

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

ГОРЦЕВЪ

СЪВЕРНАГО КАВКАЗА.

В. — Н. — Л.

(Перепечатано изъ газ. „Нов. Обзоръ“)

ТИФЛИСЪ, 1896.

Типографія К. П. Козловаго. Головинскій пр., № 12.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 22-го февраля 1896 г.

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНІЕ ГОРЦЕВЪ

СЪВЕРНАГО КАВКАЗА.

Общія свѣдѣнія, имѣющіяся о послѣдней жизни Осетіи *), какъ и другихъ племенъ, населяющихъ сѣверные склоны Кавказскаго хребта, не даютъ возможности сколько-нибудь точно нарисовать черты stationary ихъ быта; приходится дѣлать лишь однѣ догадки на основаніи преданій и теперешняго ихъ строя. Несомнѣнно одно, что вся жизнь племенъ Сѣвернаго Кавказа происходила среди непрерывныхъ тревогъ, волненій, стычекъ и войнъ.

На нихъ отражались въ большей или меньшей степени всѣ тѣ войны и многолѣтнія бѣдствія, которыя испытало населеніе Закавказья послѣдовательно отъ Византіи и персовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ, а также персовъ при Шахъ-Аббасѣ и дагестанскихъ лезгинъ. Точно также они подвергались вліянію народныхъ движеній изъ Азіи, волны которыхъ набѣгали на сѣверные склоны Кавказскаго хребта. „Кабардинцы, какъ и прочіе адыги, по праву завоеванія, а мечкизы (чеченцы) и кумыки по силѣ земской давности, считали себя исконными обладателями предгорныхъ равнинъ; но татарскія нашествія и особенно вторженіе

*) Здѣсь, главнымъ образомъ, говорится объ осетинахъ, хотя все излагаемое до известной степени не можетъ не касаться и другихъ племенъ.

Гамерлана, разбиившаго здѣсь, на берегахъ Терека, соперника своего Тахтамыша, въ 1395 г., оттѣснили ихъ въ горы, откуда и стремились они, по мѣрѣ ослабленія кинчакской орды, захватить прежнее свое достоинство“ *).

Но у горцевъ были и свои домашнія распри. При отсутствіи гражданственности и порядка, обособленные роды не всегда уживались въ мирѣ. Часто ничтожнаго случая было достаточно, чтобы вызвать междоусобіе. Поссорившіяся фамиліи уходили въ свои башни и начиналась война, часто продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, пока или не истребляли другъ друга, или, наконецъ, не мирились. Между башнями враждующихъ сторонъ могли свободно ходить только лица женскаго пола, служившія и парламентарями.

Еще болѣе значеніе имѣли межплеменные усобицы. Воспоминанія о набѣгахъ и схваткахъ, происходившихъ между чеченцами, осетинами, кабардинцами, карачаевцами и др., могли бы составить и теперь еще самую яркую страницу исторіи этихъ мелкихъ, безпокойныхъ и разрозненныхъ народностей.

Во время наибольшихъ волненій и смутъ слабѣйшія изъ нихъ должны

*) Терскіе казаки съ старѣйшихъ временъ. И. Понко. Стр. 23.

были спасаться въ дикихъ ущельяхъ своихъ горъ, гдѣ только и могли себя чувствовать въ нѣкоторой безопасности.

Когда опасность проходила, жители горъ оставляли свои орлиныя гнѣзда и спускались ниже—въ лѣсную полосу; здѣсь они строились и жили неопредѣленное время, а затѣмъ, если счастливое время спокойствія продолжалось, двигались дальше, въ раздолье плоскости, пока новая гроза не заставляла ихъ снова искать убѣжищъ въ неприступныхъ твердыхъ горъ.

Военно-родовой бытъ, составлявшій сущность социальнаго строя не только осетина, но и всѣхъ кавказскихъ горцевъ, являлся необходимою; онъ скрѣплялъ ихъ, — по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ рода, — въ одно кровное цѣлое, имѣвшее въ свое время великое значеніе въ смыслѣ сохраненія рода.

Сначала военно-родовыя общины представляются свободными и независимыми другъ отъ друга; но съ теченіемъ времени единичныя личности и роды, вслѣдствіе разныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, начали выдѣляться изъ массы, прибрѣтать влияние и понемногу стремиться къ гегемоніи. Отсюда было уже недалеко до образованія сословій въ томъ видѣ, въ какомъ застаемъ ихъ реформа прошлаго царствованія—освобожденіе зависимыхъ сословій на Кавказѣ. Почти излишне прибавлять, что политическое господство и здѣсь повлекло за собою экономическую зависимость, которая, впрочемъ, никогда не стояла на уровнѣ перваго. Если въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ низшія сословія ниводились до положенія рабовъ (напр., въ Кабардѣ), обязанныхъ безропотно переносить всякаго рода оскорбленія и даже самую смерть подъ ударами плети господина, то въ экономическомъ между сословіями существовали отношенія болѣе человѣчныя, благодаря тому обстоя-

тельству, что потребности господина и его слуги были почти одни и тѣ же.

Не буду останавливаться на родовомъ бытѣ горцевъ, ихъ религіи и обществ. жизни, такъ какъ эти вопросы въ послѣднее время уже научно разрабатываются. Я отмѣчу здѣсь лишь нѣкоторыя стороны прошлой горской жизни, менѣе извѣстныя въ печати.

Одежда горца была самая незатѣйливая, болѣею частью приготовлявшаяся домашними средствами. Горняки умѣли сучить нитки изъ овечьей шерсти и ткать сукна, изъ которыхъ шили мужьямъ и дѣтямъ черкески, башлыки, поговицы и чулки. У осетинъ (еще менѣе у другихъ племенъ) даже въ недавнее сравнительно время, въ началѣ настоящаго столѣтія, бешметъ, не говоря уже о рубашкѣ, можно было встрѣтить только на старшихъ въ домѣ, на болѣе богатыхъ и бывалыхъ; масса же и молодежь обходились одной черкеской и шубой, надѣвавшихъ прямо на голое тѣло.

„Еще мы застали—говорить г. Поинко,—когда казаки, снимая одежду съ убитыхъ черкесъ, не находили подъ бешметомъ никакой рубахи.“ Гвардейцы вельяминовскихъ экспедицій „удивлялись, какъ горцы могутъ жить безъ бѣлья, не подозревая, что бешметъ и былъ бѣльемъ“ *). Въ этомъ отношеніи туземки составляли счастливое исключеніе. Онѣ, повидимому, давно начали носить платья изъ бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій. Особенно любили онѣ щеголять въ длинныхъ, шелковыхъ или кумачевыхъ (красныхъ), рубашкахъ, въ которыхъ не считалось стыдомъ появляться и на улицѣ.

Торговля почти неизвѣстна горцу. Существовали лишь мѣновыя отношенія, но до того слабыя, что не выдѣляли даже особыхъ пунктовъ

*) „Терекіе казаки“, стр. 110.

для обмена. Воинственному горцу не было по душѣ мирное занятіе торговца съ аршиномъ въ рукахъ. Онъ относился съ презрѣніемъ и къ торговлѣ, какъ къ ремеслу, и къ людямъ, занимавшимся ею. Въ сущности, ему нечѣмъ было и торговать: голая скала его ничего не производила лишняго, у него не было развитъ ни одинъ промыселъ до степени ремесла, а самая жизнь сводилась исключительно къ самозащитѣ и борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Все, что онъ могъ дѣлать,—это промѣнять одну вещь или скотину на другую, къ чему, дѣйствительно, и прибѣгалъ. Лѣтъ 50 тому назадъ считалось подвигомъ, если осетину удавалось совершить путешествіе (даже въ мирной арбѣ) въ Малую Кабарду,—такъ было небезопасно и такъ мало, вслѣдствіе этого, горцы сходились съ народностями, окружавшими ихъ. Тѣмъ менѣе можно было заниматься торговлею, требующею безопасности развѣздовъ и мирной жизни.

Въ своемъ, болѣе чѣмъ скромномъ, хозяйствѣ горецъ-осетинъ обходился своими средствами. Орудія труда и предметы хозяйства дѣлались по преимуществу изъ дерева и руками самого хозяина. Мастеровыхъ людей не было совсѣмъ. Во всей Осетіи, Кабардѣ и Чечнѣ, еще въ весьма недавнее отъ насъ время, никто бы не нашелъ ни одного плотника, столяра, какъ ремесленника, ни одного каменщика, скорняка, шубника и т. п.: всѣмъ этимъ былъ понемногу каждый туземецъ и каждая туземка. Металлическія издѣлія распространены очень мало. Кромѣ оружія, желѣзо и сталь употреблялись на топоры, косы, серпы, мотыги, сошники, удила и пряжки, которые дѣлались однимъ и тѣмъ же ремесленникомъ, соединявшимъ въ своемъ лицѣ обязанности слесаря, кузнеца и даже оружейника, удовлетворяя нуждамъ нѣсколькихъ обществъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ.

Изъ всѣхъ искусствъ горцы достигли наибольшаго совершенства въ оружейномъ дѣлѣ—самомъ важномъ и нужномъ для нихъ въ то время; но оно приютилось въ тѣсномъ районѣ Дагестана и въ другихъ мѣстахъ края вовсе не достигло сколько-нибудь замѣтнаго разитія.

Живя въ большинствѣ случаевъ отдѣльными родовыми группами и только въ рѣдкихъ случаяхъ образуя крупныя аулы (напр., въ Чечнѣ) изъ соединенія нѣсколькихъ родовъ и семействъ, горцамъ не пришлось жить массовою жизнью, поэтому у нихъ не могли выработаться даже самыя элементарныя основы общестственности. Это обнаружилось теперь съ особенною яркостью, когда они, выселившись на плоскость, стали лицомъ къ лицу, такъ сказать, на повѣрку, съ новыми требованиями и новыми условіями жизни. Горская культура оказывается несостоятельною, горцы неподготовленными. Они привыкли жить, мыслить и работать только во имя интереса своего рода, защищая и прославляя его; теперь же эти узко-родовые интересы отходятъ на второй планъ и на ихъ мѣсто становятся интересы всеобщей общины, составленной изъ различныхъ семействъ съ одинаковыми правами предъ закономъ, съ ея управленіемъ, судомъ, кассой, общинными угодьями и т. д.; и вотъ тутъ-то обнаруживается вся неспособность горца поступиться своими родовыми интересами во имя блага всѣхъ. Онъ, повидимому, совершенно не понимаетъ совместной жизни многихъ; оттого въ общественномъ управленіи никогда не бываетъ ни складу, ни ладу.

Первоначально вся земля считалась народною собственностью. Это относится одинаково къ жителямъ горъ и плоскости. Земля, какъ воздухъ, вода и лѣсъ, по мнѣнію горцевъ, принадлежитъ всѣмъ. Подтвержденіе этого взгляда можно найти въ „Абатахъ кавк. горцевъ“ Леонтовича.

Взглядъ этотъ до самаго послѣдняго времени служить основаніемъ земельныхъ отношеній на плоскости *). Кабардинцы, по свидѣтельству г. Попко, несмотря на земледѣльческій бытъ, свободно кочевали въ предѣлахъ своихъ владѣній, живя рядъ годовъ на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ переходя на новое. Точно такимъ же образомъ жили на плоскости и остальные туземцы, при чемъ у всѣхъ существовала общинная форма владѣнія землею—и во времена полусѣдлаго состоянія, и позже, когда они уже сдѣлались вполне осѣдлыми. Въ этомъ отношеніи интересно извѣстное постановленіе кабардинскихъ народныхъ представителей въ гор. Нальчикѣ въ 1863 г. Собранные правительствомъ для опредѣленія справедливости претензій кабардинскихъ князей и узденовъ на земли, искони будто бы принадлежавшія имъ, они составили приговоръ, въ которомъ заявили, что всѣ земли Большой Кабарды принадлежать, безъ различія сословій, всему кабардинскому народу, и что они желаютъ и впредь сохранить общинное владѣніе землею.

Въ горахъ съ самаго же начала установилась общинно-родовая форма владѣнія на пахатныя земли, несмотря на противорѣчіе этой формы взгляду народа. И здѣсь, какъ и всюду, имѣло значеніе право перваго захвата. На занятыхъ мѣстахъ родовыя общины должны были съ первыхъ же дней приняться за борьбу со скалами, очищая болѣе удобныя мѣста отъ камней, проводя дороги и т. д. Въ ряду поколѣній одно смѣняло другое, продолжая ту же египетскую работу среди суровой обстановки. Громадный трудъ многихъ поколѣній, накопившійся такимъ образомъ, сдѣлался естественнымъ осно-

*). Впрочемъ, нѣкоторые сильные роды имѣли и здѣсь свои владѣнія по праву захвата, которыя они старались расширить при всякомъ удобномъ случаѣ.

ваніемъ права собственности рода на всю ту землю, которую онъ расчистилъ, разработалъ и удобрилъ кровавымъ потомъ своихъ сыновъ. И такъ, первый всаженный въ извѣстномъ мѣстѣ колъ—это начало права владѣнія; трудъ же, вложенный въ землю,—основаніе этого права, въ глазахъ народа. Земля фактически перестала быть національною собственностью, раздробившись между отдѣльными родами. Но на этомъ не остановился характеръ землевладѣнія въ горахъ. Наслѣдственно-родовыя угоды подверглись дальнѣйшему дробленію—между членами рода. И тутъ дѣленіе обусловлено трудовымъ началомъ. Земля требуетъ много хлопотъ, труда и усилій надъ собою. Необходимо, чтобы каждый самъ владѣль своею долею фамиліной земли и самъ обрабатывалъ ее на свой страхъ и рискъ. Словно каждый хочетъ сказать другому: хочешь работай,—вотъ твоя земля, хочешь—пѣть, у меня и своихъ хлопотъ по горло... Такимъ образомъ, земля раздѣляется между главными членами рода съ правомъ вѣчнаго пользованія по усмотрѣнію, но не продажи и вообще отчужденія въ другія руки. Дорогое наслѣдіе отцовъ должно составлять вѣчную, неумирающую собственность всѣхъ послѣдующихъ потомковъ рода, а не одного поколѣнія. Поэтому, желающій продать свою долю, долженъ прежде всего предложить ее всѣмъ членамъ своего рода; только когда никто изъ нихъ не пожелаетъ приобрести ее,—можно уже приступить къ продажѣ участка. Обыкновенно, горцы стараются не допустить продажу въ другія руки; только въ исключительныхъ случаяхъ, когда не остается другого выхода, они рѣшаются разстаться съ дорогой для нихъ землею. Такіе случаи имѣли мѣсто (въ особенности прежде) при уплатѣ кровной пени и рѣже—калыма.

Пастбища и лѣсъ всегда находились (находятся и по сей-часъ) въ общинномъ владѣніи и пользованіи,

принадлежа часто нѣсколькимъ общинамъ заразъ.

Сообразно съ трудностями приобрѣтенія земли стояли и цѣны на нее. Преданіе рассказываетъ, что были у горца земли такой высокой цѣны и такихъ высокихъ качествъ, что пространство, занимаемое коровою, когда она лежитъ, оцѣнивалось въ 10 р. *). Если это, быть можетъ, преувеличено, то за болѣе достовѣрное передаютъ старики, что 10 руб. платили за пространство, дававшее постояннаго сбора семь сноповъ. Вообще, о распредѣленіи количества и цѣнности земли въ горахъ пока нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ; для этого нужны спеціальныя изслѣдованія.

Встрѣчаются дворы, имѣющіе пахатной земли не болѣе $\frac{1}{4}$ дес., и такіе, которые имѣютъ нѣсколько десятковъ и очень рѣдко сотни. Можно принять, что дворъ, имѣющій одну десятину пахатной земли, можетъ быть названъ достаточнымъ, выше—начинается уже богатство. Цѣнность земли опредѣляется очень разнообразными условіями и подвержена, вслѣдствіе этого, большимъ колебаніямъ; отъ сравнительно ничтожныхъ цѣнъ на десятину она доходитъ до 1,000 р. и болѣе, а нѣкоторымъ участкамъ, по словамъ осетинъ, и цѣны нѣтъ, такъ они дорожатъ ими.

До прихода русскихъ на Сѣверный Кавказъ, на плоскости жили главнымъ образомъ кабардинцы, кумыки и часть Местной Чечни, между рѣками Тереконъ и Курдонъ, между тѣмъ какъ почти все осетинны и другія народности держались еще своихъ горъ.

Первая и главнѣйшая причина, ускорившая выселеніе горцевъ,—это побужденія правительства, дѣйствовавшего въ интересахъ замиренія

*) У осетинъ, какъ и у другихъ горцевъ, единицею мѣры при разныхъ сдѣлкахъ служила корова, которая на деньги (уже позже) оцѣнивалась въ 10 руб.

края. Еще въ царствованіи Екатерины II, при первомъ основаніи военно-грузинской дороги,—читаемъ мы въ одномъ офиц. документѣ,—русское правительство, желая обезпечить это сообщеніе съ Грузіею отъ набѣговъ хищниковъ, просило Тагаурское общество переселиться на плоскость, лежащую впереди Кавказскихъ горъ. Многіе изъ тагаурцевъ и выселились на нее съ своими кавдосардами, грузиагами и фарсагами (послѣдніе, разумѣется, по своей волѣ), занявъ пространство отъ передовыхъ Кавказскихъ горъ, между рѣками Мойрамъ-Адагъ и Камбилеевою, до Кабардинскаго хребта. Это показываетъ, какъ въ первое время правительство мало стѣсняло землею выселявшихся.

По стараніямъ правительства образовались впервые старѣйшіе осетинскіе аулы: Владикавказскій—въ 1805 г., Салугарданскій и Ардонскій—въ 1824 году. Назрановцы, изъявившіе покорность, выселились въ 1810 году.

Заманчивымъ предложеніямъ и обѣщаніямъ, на которыя не скупились въ то время, вняли и многія другія общества, свободно поселявшіяся въ разныхъ мѣстахъ на плоскости.

Но не одни понужденія и обѣщанія правительства заставляли туземцевъ покидать горы. Въ послѣдніе два столѣтія Осетія, напр., была буквально осаждена кабардинцами, которые, заперевъ ихъ въ горныя тѣснины, не выпускали оттуда. Понятно, при первомъ чувствѣ свободы и относительной безопасности, установившихся мало-по-малу съ водвореніемъ русскихъ въ край, осетинны охотно стали выселяться на плоскость, гдѣ такъ давно привольно расположились кабардинцы, всегда возбуждавшіе зависть у жителей горъ.

До 1860 года переселеніе совершалось безъ всякой системы: большинство покидавшихъ горы селились на новыхъ мѣстахъ по своему выбору, кто гдѣ хотѣлъ, хотя ни одинъ

ауль не былъ увѣренъ, что останется на занятомъ мѣстѣ. Это было какъ разъ до того времени, когда прежній способъ веденія войны съ горами (экспедиціями въ горы) оказался несостоятельнымъ и восторжествовалъ взглядъ гр. Евдокимова. „Вслѣдствіе этого осенью 1860 года рѣшено было прекратить безполезныя экспедиціи и приступить къ систематическому заселенію горъ казачьими станицами; горцевъ же выселять на плоскость, подчиняя тѣмъ нашему управленію“ *).

Итакъ, въ первое время горцы не только пользовались на плоскости свободой выбора мѣста, но располагали неограниченными пространствами удобнѣйшей для культуры земли; могли безъ стѣненія засѣвать хлѣба сколько хотѣли, въ любомъ мѣстѣ плоскостной Осетин, въ Кабардѣ, Чечнѣ и разводить сколько могли скота.

Почувствовавъ себя на просторѣ, на землѣ, которая вѣками, быть можетъ, не знала плуга, они, прежде всего перемѣнили свою соху „дзивир“ — на тяжелый передковый плугъ, напоминающій малороссійскій и заимствованный, вѣроятно, у кабардинцевъ, жившихъ на плоскости и занимавшихся съ давнихъ поръ земледѣліемъ. Между прочимъ, вотъ что свидѣтельствуетъ г. Попко о кабардинцахъ 17-го столѣтія въ своей прекрасной исторіи гребенского войска: „Кабардинцы народъ земледѣльческій и разумно ведущій земледѣліе, благодаря всесторонней наблюдательности своего ума: работаютъ легкимъ плугомъ, пахутъ мелко, тонкими пластами, съ геометрической правильностью ливій, зерно сѣютъ близко къ солнечному лучу и атмосферному воздуху и рѣдко испытываютъ неурожай“ **).

*) „Русск. Старина“ за 1882 г., кн. 10. Берге.

**) „Турекіе казаки съ стародавн. вр.“ стр. 116.

Вмѣстѣ съ переходомъ на плоскость, горцы сразу покончили съ тѣми болѣе совершенными приемами обработки земли, какіе употребляли, живя въ горахъ. Просторъ освободилъ ихъ почти отъ всякихъ заботъ по обработкѣ земли. Осетины, напр., перестали удобрять почву, словно забыли совсѣмъ о значеніи удобрения; за рѣдкими исключеніями, перестали колоть ишеницу, употреблять орошеніе и т. д.

У всѣхъ выселившихся на плоскость, безъ всякаго руководства и вліянія со стороны правительства, сразу установилась форма общиннаго владѣнія землею съ залежной системой обработки. При новыхъ условіяхъ народъ выбралъ себѣ ту форму владѣнія землею, которая болѣе всего удовлетворяла его, казалась ему наиболѣе близкою, цѣлесообразною и справедливою.

Правительству только оставалось принять ее за исходную точку отправленія въ дѣлѣ устройства земельного быта горцевъ. Это показываетъ, что общинная форма владѣнія землею была хорошо знакома горцамъ, и еще разъ убѣждаетъ, что она была присуща всѣмъ народамъ на извѣстной ступени развитія.

На плоскости въ общинномъ владѣніи находятся рѣшительно всѣ угодья: пахотная земля, выгонъ, пастбища, дугъ и лѣсъ. Земля въ цѣломъ не подвергается періодическимъ передѣламъ какъ въ русской общинѣ. Община ведетъ свое залежное хозяйство какъ одинъ большой помѣщикъ, ежегодно поднимая извѣстное количество пови, которое и раздѣляется надворно между всѣми. Въ выборѣ залежной системы народъ не ошибся: представившійся просторъ прямо наталкивалъ его на эту систему, ибо, какъ наиболѣе легкая, она была и наиболѣе цѣлесообразною для той, сравнительно, невысокой ступени культуры, на какой находились горцы.

Земледѣльческія работы у всѣхъ

плоскостныхъ жителей Терской области начинаются каждую весну однимъ и тѣмъ же: раздачею нови. Способъ раздѣла очень простъ. Сперва дѣлятъ новь на крупныя части—по числу участковъ въ аулѣ, примѣрно, на 6—8 частей; затѣмъ бросаютъ жребій между участками—какому участку достанется тотъ или другой кусокъ нови? Порѣшивши это, остается только каждому участку раздѣлить свой кусокъ по числу податныхъ единицъ (дворовъ), въ немъ числящихся, при чемъ также прибѣгаютъ къ жеребьевкѣ. Луга распределяются точно такимъ же порядкомъ весною. Количество нови, получаемое дворомъ, не велико, не болѣе $\frac{3}{4}$ —1 дес. въ годъ. Поднятая новь въ первый годъ засеивается просомъ, во 2 и 3-й—пшеницею. Иногда и на четвертый годъ сѣютъ пшеницу, но тогда первые два года поле занимаетъ просо, послѣдніе же 2—пшеница. За послѣднія 25 лѣтъ осетины на 3 и 4 годъ стали сѣять кукурузу. Послѣ 3—4-хъ лѣтъ обработки, при чемъ землѣ ничего не возвращается въ видѣ удобренія, поле забрасывается на 6—8 лѣтъ, а затѣмъ оно опять должно поступить въ обработку. Такимъ образомъ, вотъ несложные сѣвообороты у горца на плоскости:

1-й годъ	просо	просо	просо
2-й „	пшеница	пшеница	пшеница
3-й „	пшеница	кукуруза	кукуруза
4-й „	—	—	кукуруза.

Кукуруза стала вытѣснять все болѣе и болѣе пшеницу. Въ настоящее время можно видѣть только послѣдній сѣвооборотъ.

Горцы не нахвалятся, бывало, работою своего плуга. Особенно имъ нравились гладкость и ровность пашни, волюнѣ достигаемыя при паханіи этимъ плугомъ. Пашетъ не кладется имъ на другой, уже отваленный подъ извѣстнымъ угломъ, а рядомъ съ нимъ, ребро въ ребро, описывая на правомъ ребрѣ дугу въ 180° и переворачиваясь вверхъ дномъ. Если количество доставшейся нови не вели-

ко, не болѣе одной казен. десятины, то его кончаютъ въ два дня, даже скорѣе, несмотря на медленное движеніе воловаго поѣзда. Дѣлу помогаетъ плугъ, который беретъ не очень глубоко, но широко, вершковъ до 8, и работа идетъ успѣшно. Лишь только окончивается поднятіе нови, сейчасъ же принимаются за посѣвъ. Сѣютъ просо густо, не менѣе 2-хъ мѣръ на казен. десятину, сознавая инстинктивно недостатки своей обработки и принимая во вниманіе возможную потерю въ сѣмени. Въ сырое и дождливое время просо даже не заборанивается. Просо слѣдуетъ боронить, но мѣлкію боронкою, лишь въ томъ случаѣ, если во время посѣва стоитъ сухая погода; посѣвъ же пшеницы непременно боронится. На Сѣверномъ Кавказѣ сѣютъ исключительно озимую пшеницу. Къ вснашкѣ подъ озимь приступаютъ очень поздно, чаще, когда уже появляются сильныя утренники и земля начинаетъ слегка примерзать сверху. Часто приходится сѣять такъ поздно, что сѣмена не успѣваютъ взойти, поэтому засеянное поле остается чернымъ на всю зиму; при этомъ сѣмена отчасти расхищаются птицами и мышами, отчасти теряютъ свою всхожесть отъ понеремѣннаго вымоканія и промерзанія, такъ что нерѣдко приходится рано весною сѣять вторично. Иногда заноздавшему горцу приходится сѣять на глубокому сѣвгу, оставляя зерно незадѣланнымъ. На десятину высѣваютъ 8 и болѣе мѣръ плохого очищенныхъ сѣмянъ. Велѣдствіе крайне дурной обработки, всегда однократной, безъ удобренія, даже на самыхъ лучшихъ пшеничныхъ почвахъ, урожай изъ года въ годъ стали получаться все хуже и хуже. Сорные травы сдѣлались бичемъ земледѣлія у горца. Куколь иногда составляетъ $\frac{1}{2}$ пшеницы, а пырей въ два года разрастается такъ, что хоть брось совѣмъ пахать.

Въ послѣднія 25 лѣтъ осетины

стали особенно охотно воздѣлывать кукурузу. Дагестанцы воздѣлывали ее и раньше, но осетины и кабардинцы — только съ этого времени. И тутъ поле пашется кое-какъ, одинъ разъ, поздно весною, предварительно покочивъ посѣвъ проса. На десятинѣ сѣютъ 4 4½ мѣры и боронятъ *). Молодые всходы кукурузы подвергаются всегда сильному боронованію, повторяя его и вторично, когда всходы опять поднимутся верхка на три, если еще считаютъ ихъ густыми, чего горцы боятся пуще всего. Чѣмъ лучше паломашъ молодой всходъ, тѣмъ чище, ровнѣе и лучше выходитъ кукуруза; тщательное и неоднократное боронованіе всходовъ — лучшее средство противъ густоты ея, — говорятъ осетины. Увлечение кукурузой объясняется высокими цѣнами, стоявшими на нее въ 1881—1883 годахъ, когда мѣра продавалась по 70—80 коп. Тѣ, кто высѣвали три дес. всѣхъ хлѣбовъ, стали сѣять по 2—3 дес. одной кукурузы, а кто могъ — и больше.

Въ нѣсколько лѣтъ она почти вытѣснила пшеницу, ухудшивъ питаніе горца. Дошло до того, что не успѣвали пропалывать (производится одинъ разъ) всего количества, и часть кукурузы зарастала травою и пропала. Продажею кукурузы хотѣли удовлетворить потребности въ деньгахъ, ради которыхъ современный горецъ не задумается заложить свою душу.

Особенно небрежно кукуруза воздѣлывается въ Кабардѣ, гдѣ она не получила еще широкаго распространенія, гдѣ народъ только-что привыкаетъ къ ней, разводитъ пока преимущественно для продажи; между тѣмъ, Кабарда на Сѣв. Кавк. владѣетъ лучшими землями, и кукуруза родится тамъ, какъ вообще и всѣ

*) На плоскости употребляется двѣ бороны: изъ терновника для заволакиванія проса, и обыкновенная деревянная борона съ зубьями для задѣлки сѣмянъ пшеницы и кукурузы.

другіе хлѣба, прекрасно. Проѣзжая лѣтъ восемь тому назадъ по Малой Кабардѣ, я съ сожалѣніемъ и грустью смотрѣлъ на напрасную гибель громадныхъ маисовыхъ полей, принадлежавшихъ двумъ обществамъ (ботасовцамъ и муртазавцамъ), сплошь въ ростъ человѣка поросшихъ сорными травами. Маисъ находился въ періодѣ цвѣтѣнія. Поднявшись высоко, образовавъ мощный стебель, онъ съ удивительной жизненной силой боролся на смерть съ сорными травами, которыя рядомъ и вокругъ также высоки и роскошно разрослись. Изъ множества пашень только на одной я увидѣлъ прополотую кукурузу; но зато — какая же она и выросла! Немного рѣдкая, высокая, съ толстыми стеблями, на которыхъ расло по 2—3 хорошо развитыхъ початка, она издали напоминала молодой лѣсъ.

Несмотря на дурную обработку и уходъ, кукуруза все же родится посредственно. Горцы очень довольны ея урожаями, находятъ ее самымъ благодарнымъ, надежнымъ, „необманчивымъ“) хлѣбомъ. Какъ бы она плохо ни уродилась, — разсуждаютъ они, — все же окупаетъ труды, а ужъ коли поконался около нея, прополоть разъ, да хорошенько, въ время, ну, — тогда будь спокоенъ: никто и ничто не возьметъ у тебя твоихъ трудовъ. Это — не пшеница, которая въ излишнюю сырость можетъ полечь, въ пору снѣлости — гляди въ оба: прозѣвать день, случился вѣтеръ, — и уже не досчитаешься половины зерна, которую побьетъ вѣтромъ. Это и не просо: три-четыре дня жгучаго солнца — и, глядишь, оно побурѣло и остановилось въ ростѣ. Какъ послѣдній аргументъ въ пользу кукурузы осетины любятъ приводить обстоятельство разведенія ея ихъ предками — нартами, въ героическую нартовскую эпоху, что доказывается, по ихъ мнѣнію, происхожденіемъ самаго

*) По-осетински — „анасаид-хор.“

названія кукурузы — парт-хор, т. е. буквально, партковский, партовъ хлѣбъ; но я склоненъ думать, что они перестанутъ хвалить кукурузу, коль скоро замѣтитъ уменьшеніе ея урожаявъ, какъ перестали хвалить просо и пшеницу.

Культура картофеля, только-что начавшая входить во вкусъ народа, до нѣкоторой степени извѣстна пока однимъ осетинамъ, въ особенности живущимъ по близости Владикавказы—ольгинцамъ, ризельцамъ и др.; что же касается до Кабарды и Чечни, то она тамъ еще мало извѣстна.

О скотоводствѣ и овцеводствѣ я скажу лишь нѣсколько словъ.

Въ первое время по переселеніи на плоскость, среди открывшагося пространства, эти важныя отрасли хозяйства, можно сказать, процвѣтали. Бѣднѣйшій осетинъ и тотъ имѣлъ пару воловъ и коровъ. Изъ трехъ дворовъ одинъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ 30—40 овецъ. Конечно, относительно этого я не могу представить цифръ, но ихъ невозможно и представить за то время. Я шшу то, что видѣлъ, съ тѣмъ, надѣюсь, согласится всякій осетинъ. Народъ понималъ ясно выгоду и легкость занятія, поэтому съ любовью занимался овцеводствомъ и скотоводствомъ, разводя сотни и тысячи головъ. Старѣйшіе и лучшіе мужи-хозяева сами ходили за овцами и пасли ихъ, не вида въ томъ ничего унижительнаго для себя. Все это измѣнилось съ упорядоченіемъ земельного вопроса. Съ уменьшеніемъ до крайности количества земли, пастбищъ и луговъ—пали, само собою, овцеводство и скотоводство. Нынѣ на сто дворовъ не найдется и 10, которые держали бы еще овецъ. Между тѣмъ, овца имѣетъ громадное значеніе въ жизни горца, одѣвая, кормя и выручая его въ критическія минуты.

Упадокъ овцеводства вызвалъ дороговизну шерсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упадокъ производства суконъ и бурокъ. За 10 лѣтъ цѣна шерсти

болѣе чѣмъ удвоилась. Вмѣсто 8—10 коп., руно продается теперь за 20—25 коп. Бѣдняку очень трудно уже справиться себѣ черкеску и бурку. Мальчики и юноши ходятъ зимою въ тяжелыхъ и непрочныхъ ватныхъ бешметахъ, вмѣсто шубъ и черкесокъ, легкихъ и теплыхъ. Къ шерстяной пряжѣ для суконъ стали примѣшивать бумажную, чего прежде никогда не дѣлалось; послѣднее обстоятельство вызывается отчасти и духомъ наживы, начинающимъ быстро сообщаться воспримчивыми горцами.

Для полноты этого краткаго очерка слѣдуетъ упомянуть еще о раззорительномъ способѣ строить дома и вообще жилия помѣщенія. Каждому семейному члену отводится особая комната съ каминомъ и сѣнцемъ; всѣ такія комнаты располагаются въ одинъ длинный рядъ и покрываются одною общею кровлею. Напротивъ главной линии построекъ или гдѣ-либо съ боку долженъ быть построенъ еще общій домъ, съ сѣнцемъ же и кладовкой, который служить въ одно и то же время и кухней, и сборнымъ пунктомъ для всѣхъ членовъ семьи. Посрединѣ въ немъ сдѣланъ очагъ и поддерживается постоянный огонь, а надъ огнемъ надъочажная цѣнь. Горцамъ доставляетъ большое удовольствіе собраться всѣмъ семействомъ вокругъ веселаго очага и грѣться въ холодъ и стужу. У гостепріимнаго кавказца, кромѣ того, должна быть построена, если только онъ не очень бѣденъ, гдѣ-нибудь поодаль, такъ, чтобы гости и члены семьи не могли стѣснять другъ друга, кунацкая съ неизбѣжнымъ каминомъ. Такое устройство и расположение жилыхъ помѣщеній—очень полезно въ гигиеническомъ отношеніи, такъ какъ даетъ возможность свободно провѣтривать каждую комнату; полезно еще болѣе въ нравственномъ отношеніи, въ отношеніи сохраненія добраго согласія между членами семейства, гдѣ навсегда

царствуетъ миръ и любовь, избавляя ихъ отъ многихъ неприятностей, дразнь и ссоръ, неминуемыхъ въ большихъ семействахъ. Дѣло въ томъ, однако, что всё эти прекрасныя вещи достаются, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, слишкомъ дорогою цѣною въ экономическомъ отношеніи. Нужно подумать только, какъ много уходитъ дровъ на всё эти камины, кухню и кунацкую! Имѣя 3—4 пары воловъ, горець ничѣмъ такъ не занять зимою, какъ возкою дровъ. Онъ возить дрова постоянно, и едва успѣваетъ согрѣвать свое помѣщеніе. Чуть онъ промедлитъ, не привезетъ дровъ,—семья сидитъ безъ топлива и, чтобы не мерзнуть отъ холода, принимается ломать и жечь илети, заборы и нужный лѣсной матеріалъ, какой только попадется подъ руки. Приходить весна и всё эти разрушенія необходимо восстанавливать, начинать и строить вновь, что отвлекаетъ горца отъ весеннихъ земледѣльческихъ работъ и заставляеть пропускать лучшее для нихъ время.

Между тѣмъ, еслибъ онъ не вытягивалъ въ одну линію постройки, ставилъ бы печи общія на нѣсколько комнатъ, то сколько онъ выгадалъ бы на двери, окна, общія стѣны, на дрова, крышу и на прочность самого зданія.

По свойству горскаго хозяйства, въ немъ все истребляется въ большомъ количествѣ безъ существенной пользы и ничего не экономизируется.

Это особенно ясно въ дѣлѣ кулинарнаго искусства. Пищевыхъ средствъ много у туземцевъ, но нѣтъ привычки и умѣнья изъ нихъ сдѣлать что-либо. Въ настоящее время во многихъ осетинскихъ домахъ найдете канусту, морковь, свеклу, однако рѣдко можно увидѣть, чтобы эти овощи служили приправою; въ большинствѣ случаевъ онѣ сѣдаются въ неприготовленномъ и сыромъ видѣ. На плоскости въ ходу тотъ же твердый и прѣсный чурекъ, хотя здѣсь онъ чаще готовится изъ пше-

ничной муки. Твердая масса его, не имѣющая почти поръ, камнемъ лежитъ въ желудкѣ; желудочный сокъ проникаетъ въ нее съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе чего она переваривается плохо и медленно. Количество муки, которое въ горскомъ семействѣ тратится на 10 чел. въ мѣсяцъ, можно было бы смѣло прокормить 15 чел., приготовляя хлѣбъ изъ кислаго тѣста. Истребленіе мяса еще болѣе велико. Овца сѣдается небольшимъ семействомъ въ одинъ день; отъ крупнотной скотины послѣ 4—5 дней ничего не остается въ домѣ. Обыкновенно, горцы вволю наѣдаются мяса за-разъ, а потомъ сидятъ безъ него. Въ дни поминокъ и общественныхъ праздниковъ принято рѣзать много скота; при этомъ можно видѣть (особен. прежде), какъ изъ громаднаго котла, гдѣ варилась цѣлая туша быка и 2—3 барана, выливается прочь густой и цѣнный бульонъ, а мясо тутъ же истребляется съ чурекомъ и солью, обильно заливаемое аракомъ и брагой.

Точно также истребляется мясо и дома у всякаго. Сколько-нибудь обезпеченный хозяинъ непременно рѣжетъ зимою одну или двѣ скотины. Кромѣ того, всякій разводитъ куръ, гусей, индѣекъ. Зимою, по случаю праздниковъ, поминокъ, гостей—приходится бить овецъ, козъ. Кромѣ всего этого, многіе изъ осетинъ приобрѣтаютъ мясо воровствомъ. Подумаешь, сколько все это! Между тѣмъ, вслѣдствіе своихъ пріемовъ въ кулинарномъ искусствѣ, горець, въ сущности, ѣстъ мяса очень мало; мудро не ѣсть за-разъ на многіе дни.

Заканчивая краткую характеристику культурно-хозяйственныхъ условій жизни осетинъ въ горахъ и на плоскости, скажу нѣсколько словъ и объ экономическомъ складѣ жизни горцевъ.

Среди мелкихъ и отдѣльныхъ востественныхъ союзовъ, постоянно враждовавшихъ между собою, не было мѣста для развитія общественной

жизни и экономических отношений. Самый же бытъ, формы и орудія труда, приемы хозяйствованія и т. д. — отличаются простотой и примитивностью. Не нужно забывать той замкнутой, изолированной жизни, какую провели горцы въ продолженіе многихъ вѣковъ до нашихъ дней. Этотъ строй, застывшій на одѣхъ и тѣхъ же формахъ, долженъ быть въ себѣ самомъ паходить все необходимое. Нужно было знать простое пряденіе и тканье, простую выдѣлку кожъ и крашеніе и т. п., и осетинка ихъ знала. Для семьи она пряла, ткала и красила, выдѣлывала кожи, варила мыло, а потомъ орудія производства оставались надолго безъ употребленія. Горецъ рѣдко обращался къ другимъ за помощью, да это и несовсѣмъ было удобно и возможно при условіяхъ его жизни; онъ необходимо самъ долженъ былъ соорудить арбу, домъ, дѣлать сани, плугъ, борону, колеса и т. п. Всему этому отецъ обучалъ непременно сына, потому что каждый дворъ, равно и родъ, составлялъ самостоятельную единицу, обязанную жить на свой страхъ и рискъ. При такихъ условіяхъ развитіе культуры должно было происходить чрезвычайно медленно. Но культурность не доказываетея еще однимъ существованіемъ тѣхъ или другихъ промысловъ. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи общественно-правственные стороны, обычаи и нравы, выработанные продолжительною гражданскою жизнью народа. Къ сожалѣнію, мы не видимъ, чтобы эта существеннѣйшая часть всякой культуры могла получить сколько-нибудь замѣтное развитіе въ неприступныхъ и изолированныхъ труппахъ осетинскихъ горъ. Простое тканье, пряденіе, выдѣлка кожъ, крашеніе суконъ, кожъ, приготовленіе оружія, разныхъ украшеній, часто очень оригинальныхъ, встрѣчаются у всѣхъ кочующихъ племенъ. Въ самомъ дѣлѣ, полудикіе инородцы Якутской области, ве-

дущіе полукочевую и кочевую жизнь, въ кожевенномъ дѣлѣ достигли большихъ успѣховъ. Изъ кожи оленей они выдѣлываютъ мягкую, эластичную и прочную ровдугу, изъ которой шьютъ себѣ жилыми нитками всю одежду; изъ шкурокъ молодыхъ оленей готовятъ родъ замши, идущей на перчатки, изъ лошадиныхъ шкуръ выдѣлываютъ особую непромокаемую кожу для своихъ соръ (нѣчто въ родѣ чевяковъ съ длинными ушами), ни чѣмъ не замѣнимую въ ходьбѣ по болотамъ и топямъ обувь. Кромѣ того, якуты мастера плести всякаго рода рыболовныя сѣти, они же хорошіе кузнецы, плотники и т. п. Рядомъ съ этимъ, якуты еще недавно бѣли почти всякаго звѣря, котораго удавалось убить, бѣдятъ и падалъ, и всякую дрянъ, и поклоняются еще идоламъ, несмотря на то, что обращены въ христіанство болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Конечно, горцы далеки отъ полудикихъ якутскихъ инородцевъ, и не для того ссылаюсъ на нихъ, чтобы съ ними сравнивать горца, но какъ нельзя отстаивать якутскую культуру по однимъ только производствамъ, встрѣчающимся въ ней, такъ нельзя по тѣмъ же причинамъ превозносить и горскую культуру, какъ это иногда приходится слышать отъ слишкомъ рьяныхъ защитниковъ осетинской самобытности и культуры. Горцы Сѣвер. Кавказа находились еще весьма недавно на той ступени натурального хозяйства, когда люди въ своихъ сношеніяхъ ограничиваются мѣною предметовъ. По свидѣтельству почтеннаго историка гребенскаго войска, г. Поинко, кабардинцы (одна изъ самыхъ передовыхъ народностей Сѣв. Кавказа) хотя и вели толковое земледѣльческое хозяйство, но не жили еще постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, и „часто передвигались“, почему у нихъ не привилась культура плодовыхъ деревьевъ и винограда.

Кабардинцы. — говоритъ г. Поинко, —

за „лошадей, барановъ, чекмены, бурки, аробныя колеса и самыя арбы, ружья, сѣдла, серебряныя издѣлія и украшенія“ получали отъ первыхъ шоперовъ—казаковъ „соль, произведенія садовъ, бахчей и огородовъ, рыбныя продукты, холсты домашняго издѣлія“ *).

Скудное хозяйство въ горахъ и не всегда, не во всякое время года, проходимыя дороги черезъ Кавказскій хребетъ, ограничивали и безъ того незначительный объёмъ, издавна существовавшей между Осетіей и Грузіей, куда сбывались лошади, бурки, сукно и проч., и откуда привозились шелкъ, красяній товаръ, сафьянъ и т. п.

Въ настоящее же время туземцы Сѣвер. Кавказа вступаютъ въ новый періодъ жизни. Современная торговля, жизнь начинаетъ касаться ихъ все болѣе и болѣе, благодаря улучшеннымъ путямъ сообщенія, въ особенности желѣзнымъ дорогамъ, сближеннымъ пространства и народы. Новыя экономическія отношенія, въ которыхъ горцу приходится теперь дѣйствовать, волею или неволею, какъ болѣе развитыя и могущественныя, подвергаютъ его хозяйственный бытъ, культуру серьезному испытанію, увлекая за собою и подчиняя своему вліянію. Судя по теперешнему ходу дѣлъ, можно смѣло сказать, что горцы не вынесутъ испытанія безъ сильнаго ущерба для своихъ національных особенностей. Не пройдетъ и 30 лѣтъ, какъ Осетія сдѣлается неизнаваемою, совершенно новою странюю. Вліяніе современной цивилизаціи, тасколько можно судить теперь уже, пока болѣе всего отражается на экономической обеспеченности народа, которая, говоря относительно горцевъ, по сознанію всѣхъ, сильно уменьшилась противъ прежняго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ это вліяніе

выразится и на другихъ сторонахъ народной жизни и опредѣлитъ ее будущую физиономію.

Что касается до экономической обеспеченности горца, хотя бѣ осетина, то она дѣйствительно уменьшилась. Спросите объ этомъ всякаго образованнаго туземца, знающаго жизнь своихъ братьевъ, или простолюдина. „Какое сравненіе!“ скажутъ вамъ.

Въ добрую старину горецъ-осетинъ, несмотря на свою бѣдность вообще, мало въ чемъ нуждался. Онъ ѣлъ все свое, не покупное, ни въ чемъ и ни въ комъ не нуждаясь. Все количество молока, сыра, масла, хлѣба было его, шло цѣликомъ на него и на дѣтей. Его потребности все были палицо, извѣстны заранее, и онъ удовлетворялъ ихъ трудами рукъ своихъ, мало завися отъ кого бы то ни было. Отъ этого онъ обладалъ душевнымъ спокойствіемъ, позволявшимъ ему спать спокойнымъ сномъ чловѣка, чувствующаго прочность своего положенія, а потому довольнаго и счастливаго. Не далѣе 20—30 лѣтъ назадъ Осетія жила такою жизнью. Теперь же ничего подобнаго нѣтъ. Важнѣйшіе продукты хозяйства исчезаютъ, минуя желудка производителей. Главнѣйшею пищею сдѣлался сухой кукурузный или просяной чурекъ съ сыромъ, подъ-часъ тощимъ (толь хитра на выдумки: осетины научились готовить и тощій сыр). Пирогъ со свѣжимъ сыромъ (любимое кушанье осетинъ), пшеничный хлѣбъ и многое другое, часто появлявшееся на столѣ по буднямъ, сдѣлалось кушаньями праздничными. Сыворотку и паханье большинство въ Осетіи всегда выливало, теперь же съѣдаютъ сами, да еще похваляютъ. Въ хозяйственномъ быту вообще замѣчается отсутствіе прежней простоты, достатка, довольствія, единства и прочности, а самъ горецъ сдѣлался какимъ то подвижнымъ, безпокойнымъ существомъ.

Причина всему этому лежитъ не

*) „Терекія казаки съ стародавнихъ временъ“. И. Попко, стр. 183.

въ абсолютной бѣдности современныхъ осетинъ, — нѣтъ. Они не бѣднѣе прежняго. Сумма всѣхъ жизненныхъ средствъ не меньше, чѣмъ было прежде, напротивъ, она даже больше. Абсолютно горецъ богаче, относительно бѣднѣе прежняго. Загадка кроется въ увеличеніи потребностей несоразмѣрно съ производительностью труда, въ воспримчивости и разорительной силѣ подражанія, въ высокой степени свойственной тщеславнымъ горцамъ. Складъ и характеръ хозяйства, способы и приемы хозяйствованія, за весьма незначительными измѣненіями, *остались прежніе* до сей поры; измѣнились потребности, вкусы, желанія. Встрѣтись съ другою, болѣе развитою, жизнью, впечатлительный горецъ ясно, такъ сказать, при свѣтѣ дня, увидѣлъ все несовершенство своей жизни. У него словно разбѣжались глаза. Хочешь — не хочешь, а нужно подражать, заимствовать, покупать. То же самое происходитъ, когда заходишь въ богатый, роскошно освѣщенный магазинъ: правятся и тотъ и другой предметы, хочется купить ихъ, хотя, до входа въ блестящій магазинъ, не ощущалъ въ себѣ никакой потребности въ этихъ предметахъ, даже, быть можетъ, не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи на свѣтѣ. Часто послѣ покупки человѣкъ недоволенъ собой, не зная, для чего потратилъ столько денегъ на покупку предметовъ, мало или почти не нужныхъ. Съ горцемъ происходитъ нѣчто подобное. Онъ не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ современной жизни, не могъ не поддаться ея вліянію, не могъ идти въ то же время и своей собственной дорогой, ибо для этого онъ не имѣлъ подъ собою достаточно прочныхъ культурно-историческихъ оснований. За свои же увлеченія по части заимствованій и подражаній онъ также расплачивается и чувствуетъ въ полной мѣрѣ ихъ давленіе.

Съ какого же приблизительно времени началась подражательная жизнь горца? Если условія жизни горца измѣнились, пародились новыя потребности, вкусы, то интересно знать время, въ какое они могли возникнуть. Это время не такъ далеко отъ насъ. Оно совпадаетъ со временемъ введенія гражданскаго управленія въ Терской области (1871 г.).

Конецъ 60-хъ гг. можно считать тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго горцы-осетины, такъ сказать, лицомъ обернулись къ русскимъ. Политическія событія (взятіе Шамиля 25-го августа 1859 г.), совершившіяся не задолго до этого времени, имѣли существенное вліяніе на поворотъ въ жизни горцевъ, на ихъ болѣе тѣсное сближеніе съ русскими. Даже Осетія, сражавшаяся и до того въ рядахъ русскихъ войскъ и противъ Шамиля, отличавшаяся наибольшимъ среди другихъ племенъ мирнолюбіемъ, до конца этихъ политическихъ событій вполнѣ чуждалась русскихъ и русскаго вліянія. Позволю себѣ привести два-три воспоминанія въ доказательство сказаннаго.

Съ поры дѣтства еще, т. е. съ 60-хъ годовъ, я живо помню, какъ скоро узнавалось присутствіе русскихъ въ аулѣ, какое оно возбуждало волненіе, шумъ, говоръ среди однообразной аульной жизни. Стоило одинокому русскому случайно забрести въ аулъ, чтобы взволновать его отъ края и до края. Не успѣтъ, бывало, показаться на одномъ концѣ аула предприимчивый русский корабейникъ, всегда, какъ теперь помню, въ большихъ чоботахъ, обильно пропитанныхъ дегтемъ, — какъ изъ всѣхъ заборовъ, оконъ и воротъ начинаютъ выглядывать головы любопытствующихъ и въ воздухъ оглашается криками: „русскій!“, „русскій идетъ, русскій!“ Въ то время о сближеніи; о пріязненныхъ чувствахъ не было и рѣчи. Дѣтей пугали русскимъ именемъ. Мальчика, котораго правительству удавалось на казенный счетъ от-

править въ Россію, чтобы дать ему образованіе, горцы вычеркивали изъ списка живыхъ, считая его оторваннымъ и погибшимъ для себя. Тогда распространялись въ народѣ разные преувеличенныя и „превратныя“ слухи, которымъ горецъ вѣрилъ вполне, ничего не понимая ясно во всемъ томъ, что происходило вокругъ него. Особенно злоупотребляли распространеніемъ слуха о возможности скорого примѣненія къ горцамъ воинской повинности, при чемъ не жалѣли красокъ для изображенія солдатской жизни, которая рисовалась въ воображеніи тогдашнихъ горцевъ въ самомъ ужасномъ видѣ. Эти слухи производили въ началѣ очень сильное впечатлѣніе. Я помню живо, какъ при подобныхъ разговорахъ дрожавшая рука медленно и невольно опускалась на ручку кинжала, а уста безсильнаго озлобленія лепетали: „нѣтъ! лучше умереть славною смертью „газавата“, чѣмъ подвергаться такому недостойному униженію!“

Въ виду такого положенія вещей, еще въ недавнее сравнительно время постоянныя усилія правительства по пути просвѣщенія и насажденія основъ гражданственности почти всегда оказывались тщетными, встрѣчая полное недовѣріе. Поэтому же и школы, открытыя правительствомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, не принесли той пользы, какую онѣ могли принести населенію болѣе мирному, при болѣе довѣрчивомъ отношеніи къ правительству. Несомнѣнно, что до извѣстной поры, именно до конца 60-хъ годовъ, правительство старалось въ интересахъ политическихъ и иныхъ способствовать просвѣщенію горцевъ. Наказный атаманъ казачьяго войска на кавказской линіи Верзилинъ, въ представленіи генералу Вельяминову еще отъ 10-го апрѣля 1837 г., ходатайствуя за штыбъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, „войску принадлежащихъ“, мотивируетъ свою просьбу тѣмъ, что „обратили даже вниманіе на племена закавказ-

скія и на горскіе народѣ, такъ какъ дѣти почетныхъ между ними людей получаютъ нынѣ образованіе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ *).

Въ началѣ правительство старалось всѣми средствами пополнять школы мальчиками, убѣждая всѣхъ туземцевъ отдавать своихъ дѣтей, предоставляя послѣднимъ полное казенное содержаніе; дѣти набирались, но, побывъ нѣкоторое время въ школѣ, они убѣгали, повторяя это настойчиво до тѣхъ поръ, пока не добивались своего, т. е. пока не оставляли ихъ въ аулѣ. Осенью ряды учениковъ оказывались сильно порѣдѣвшими влѣдствіе того, что многіе, уѣзжавшіе на лѣто домой, не возвращались обратно. Вообще бѣгство мальчиковъ изъ школъ составляло постоянное явленіе тогдашней школьной жизни. Особенное нежеланіе учиться обнаруживали кабардинцы, изъ которыхъ не окончивало курсъ и 10%.

Такое отношеніе къ просвѣщенію объясняется настроеніемъ туземцевъ тогдашняго времени, вполне чуждавшихся еще русской жизни, что неминуемо отражалось и на дѣтяхъ. Если бы туземцы лѣтъ 30 тому назадъ относились съ тѣмъ же довѣріемъ къ русскому правительству и русскому просвѣщенію, съ какимъ относятся теперь, и могли бы воспользоваться въ свое время льготами, предоставлявшимися для нихъ тогда правительствомъ,—то теперь не было бы ни одного рода, который не считалъ бы въ своей средѣ нѣсколькихъ представителей, получившихъ среднее или высшее образованіе, и которые теперь были бы, конечно, очень полезны своимъ землякамъ и могли бы вести ихъ дальше по пути развитія. Правительство поощряло особыми льготами, часто даже насильно отправляло горскихъ мальчиковъ въ Россію въ разныя учеб. заведенія. Горцы спохватились, но—уже поздно. Они отстали—нынѣ всякій пони-

*) Терскіе казаки, И. Попко. Стр. 305.

иметь пользу ученія и у правитель-ства нѣтъ уже основанія прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ поощренія.

Шатанія горца начинаются прибли-зительно съ 70-го года; до этого вре-мени онъ еще чуждался и сторонил-ся всѣми силами влїянїя современ-ной цивилизаціи. Будучи еще въ своей привычной средѣ, съ своими скромными потребностями, далекій отъ искушеній, влїаній, подражаній, не имѣя у себя такихъ потреб-ностей, которымъ, въ сущности, не могъ и удовлетворить безъ то-го, чтобы не лишитъ себя и дѣ-тей насущнаго хлѣба,—онъ былъ безконечно счастливѣе современнаго осетина, симпатичнѣе, добрѣе, бла-городнѣе. вмѣстѣ съ началомъ заим-ствованій, вмѣшательствомъ новыхъ экономическихъ и политическихъ от-ношеній и влїаній—начались и бѣд-ствія.

Доказательствомъ справедливости этого могутъ служить кабардинцы.

Въ настоящій моментъ они еще живутъ на старыхъ дѣдовскихъ усто-яхъ. Современная цивилизація еще не успѣла коснуться ихъ, какъ она коснулась уже осетинъ, дигорцевъ, ингушей и отчасти чеченцевъ. Всякій, кто только присмотритъ вниматель-но къ жизни осетинъ и кабардин-цевъ, вынесетъ убѣжденіе, что по-слѣдние живутъ *счастливѣе*. Во всей Малой, напр., Кабардѣ, вы не уви-дите ни одного дома, построеннаго въ подражаніе русскимъ и покрытаго черепицею; въ рѣдкомъ богатомъ до-мѣ вы найдете самоваръ, лампу, ме-бель и множество другихъ приобрѣ-теній, сдѣланныхъ Осетїей; нѣтъ по-мину тому всеобщему увлеченію тор-говлею, какое замѣчается среди дру-гихъ народностей Сѣв. Кавказа; нѣтъ лавокъ, кромѣ одной какой-либо съ краснымъ товаромъ (что у нихъ было и раньше), чаще содержимой, по-прежнему, евреемъ. Народъ живетъ еще своею старою жизнью, своими средствами, вполне довольный, на-ходя у себя все необходимое для

удовлетворенія своихъ немногослож-ныхъ потребностей. На что ему день-ги! Онъ въ нихъ еще не такъ нуж-дается, поэтому нѣтъ и причины ему бросаться изъ стороны въ сторону и занимать ради нихъ самыя разно-образнѣйшія положенія, притомъ та-кія, которыхъ онъ прежде стыдил-ся бы.

Можно сказать смѣло, что еще никто не видѣлъ кабардинца бѣдняка въ ро-ли трактирнаго служителя, полового, мальчика въ грязной лавчонкѣ еврея, и въ другихъ, сходныхъ съ этими, по-ложеніяхъ. Необходимо прибавить, что, въ то же время, кабардинецъ меньше другихъ воруетъ. Справеди-вость этого можетъ подтвердить вся-кій, знакомый съ современнымъ по-ложеніемъ дѣлъ на Сѣверномъ Кав-казѣ. Осетины теперь считаютъ са-мымъ „благодарнымъ воровствомъ“—воровство у кабардинца,—этого, по ихъ словамъ, „благороднаго“ и смир-наго собрата, который за послѣднее время какъ-то особенно притихъ и желаетъ, повидимому, лишь одного, *чтобы его оставили въ покоѣ...*

На послѣднее обстоятельство нель-зя смотрѣть, какъ на признакъ куль-турной слабости Кабарды. Напро-тивъ, эта законодательница модъ, задававшая тонъ всѣмъ другимъ пле-менамъ въ отношеніи приличій, тан-цевъ, всякихъ правилъ общежитія, гостепрїимства и т. п., выработала у себя, по нашему мнѣнію, больше общественно-гражданскихъ задатковъ для самостоятельной жизни, чѣмъ, напр., Осетія. Опредѣленнѣе это можно выразить тѣмъ, что въ Ка-бардѣ личность болѣе подчинена обществу. Каждый кабардинецъ чув-ствуетъ надъ собою моральное влї-янїе цѣлаго общества. До извѣстной степени это ограничиваетъ проявле-нїя личнаго произвола и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ почву для соглашеній, единеній и совмѣстной дѣятельности.

Итакъ, кабардинцы пока, такъ сказать, дома и, находя свою жизнь достаточно содержательною, не пу-

скаются ни на какія аферы земнотельнаго свойства.

Осетины, дигорцы, ишущи и частью чеченцы лѣтъ 20—30 тому назадъ находились точь-въ-точь въ такомъ же положеніи, т. е. жили всецѣло своею старою жизнью.

Разсмотримъ же кратко послѣдній 30-лѣтній періодъ подражательной жизни горца. Въ чемъ измѣнились его положеніе, условія его жизни за эти годы? Что заимствовалъ онъ полезнаго и что вреднаго? Какъ эти разнообразныя заимствованія и подражанія отозвались на характерѣ жизни туземцевъ?

Прежде всего нужно выяснитъ вопросъ о землѣ, о земельной обезпеченности горцевъ.

Этотъ важнѣйшій вопросъ, если можно такъ выразиться, упорядочился въ смыслѣ ермоловскомъ. Ермоловъ, какъ извѣстно, для облегченія линейной обороны, лучшими мѣрами считалъ: „отнятіе пастбищъ и полей, потрясеніе въ самомъ корнѣ земледѣльческаго и пастушескаго ихъ (горцевъ) хозяйства“ *). Громаднѣйшая часть земель и лѣсовъ изъ рукъ первоначальныхъ владѣтелей перешла въ руки побѣдителя и распредѣлилась между казною, чиновниками и казаками. Что касается туземцевъ, то они обдѣлены землею. Нѣкоторые частныя лица и общества изъ нихъ лишились даже тѣхъ земель, которые имъ были обѣщаны или подарены прежде по разнымъ случаямъ и заслугамъ передъ правительствомъ.

Приведу нѣсколько фактовъ изъ наиболее крупныхъ въ подтвержденіе только-что сказаннаго.

Раньше я упомянулъ, что еще въ царствованіе Екатерины II русское правительство, желая обезпечить безопасность на только-что построенной военно-грузинской дорогѣ, просило Тагаурское общество переселиться на плоскость, представивъ имъ за-

*) „Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ“, И. Пошко.

нять пространство отъ передовыхъ Кавказскихъ горъ, между рѣками Майрамъ-Адагъ и Камбилеевкою, до Кабардійскаго хребта. Съ другой стороны, „по распоряженію генерала Ермолова, исполненному владикавказскимъ комендантомъ полковникомъ Скворцовымъ 7-го іюля 1828 года, границы Алагирскаго общества опредѣлены рѣки Крупсъ и Ардонъ, а Куртатинскаго— Ардонъ и Майрамъ-Адагъ“.

Не менѣе интересенъ фактъ, приводимый г. Абрамовымъ относительно чеченцевъ („Кавказскіе горцы“, „Дѣло“ за 1884 г., № 1):

... „При изъявленіи чеченцами покорности въ 1857 г., тогдашній главнокомандующій на Кавказѣ, кн. Барятинскій, издалъ прокламацію, въ которой сказано, что земли, занятыя чеченцами въ моментъ принесенія покорности, останутся вѣчнымъ достояніемъ чеченскаго народа. Прокламацію эту берегутъ и хранятъ какъ зеницу ока и къ ней всегда апеллируютъ. Между тѣмъ, вопреки этой прокламаціи, значительная часть чеченской земли была отведена подъ поселеніе казачьихъ станицъ, а также роздана кумыскимъ князьямъ и другимъ лицамъ“.

Ауль Эльхотъ (владикавказскаго округа) образовался въ концѣ 30-хъ годовъ изъ охотниковъ-осетинъ, въ числѣ 100 дворовъ, по вызову правительства. Составляя аванпостъ границы Осетіи на сѣверо-востокъ и расположенный на самомъ воровскомъ трактѣ между Малой и Большой Кабардой, на удобнѣйшей переправѣ черезъ Терекъ, онъ долженъ былъ, по мысли правительства, служить защитой казачьимъ станицамъ по лѣвому берегу Терека отъ нападеній кабардинцевъ и шаекъ абренокъ, расплотившихся въ то тревожное время въ большомъ количествѣ. Въ продолжительныхъ и постоянныхъ стычкахъ многіе изъ эльхотовцевъ, притомъ лучшихъ людей, легли костью. У нихъ угоняли скотъ и возили дѣтей, выхватывая послѣднихъ совершенно такъ, какъ это дѣ-

лаеть ястребъ, когда налетаетъ на свою жертву. Дѣтей приходилось выкупать дорогою цѣною, вследствие чего нѣкоторые семейства раззорились совсѣмъ. Въ 1846 г. черезъ Эльхотъ прошелъ Шамиль. Эльхотовцы выказали необыкновенную энергію въ борьбѣ съ окружающими хищниками, за что отъ кабардинцевъ заслужили кличку, оставшуюся за ними и до сихъ поръ, „неукъ аулъ“, по кабардински—„емилик куазза“. За такую беззавѣтную и преданную службу эльхотовцамъ была подарена императоромъ Николаемъ на вѣчныя времена вся та земля, которую отвели имъ при заселеніи, на что имъ выдали и планъ. Впоследствии планъ этотъ былъ взятъ во Владикавказъ и не возвращенъ, несмотря на настоятельныя просьбы эльхотовцевъ, у которыхъ въ настоящее время осталась только опись угодьямъ съ того плана. Въ то время, какъ эльхотовцы и теперь еще продолжаютъ хлопотать о своемъ потерянномъ планѣ, къ нимъ въ 60-хъ гг. переселили съ разныхъ мѣстъ еще 100, если не больше, дворовъ, чтобы не обидно было другимъ ауламъ.

Кромѣ того, многія дачи впоследствии оказались спорными между казной и частными лицами или обществами, при чемъ большею частью выигрывала казна, такъ какъ туземцу невозможно или очень трудно доказать юридически, документально свое право на владѣніе и собственность. Затѣмъ много земли, въ особенности сначала, когда она была еще очень дешева, а туземцы не понимали, какое она приобрететъ значеніе въ будущемъ, было скуплено казной и разными капиталистами и выходцами изъ Россіи. Напр., у князей Бековичей-Черкасскихъ, а также у Тугановыхъ, правительство выкупило нѣсколько тысячъ десятинъ по цѣнѣ баснословно дешевой—большею частью по рублю за десятину. Какъ видно изъ протоколовъ сословно-поземельной комиссіи, отъ 18-го августа 1864 года, подъ ала-

гирекій серебро-свинцовый заводъ и устроенную при немъ станицу окончательно передано, въ 1852 году, въ горное вѣдомство 4,115 дес. земли. Земля эта взята за денежное вознагражденіе, отъ 1—5 руб. за десятину, частью у дигорцевъ, а частью у алагирцевъ за 7,042 р. 50 коп., изъ коихъ 5,080 р. 50 коп. слѣдовало алагирцамъ и 1,962 р.—дигорцамъ. Дигорцы свою долю получили. Часть же, причитавшаяся алагирцамъ, была отправлена въ московскій опекунскій совѣтъ съ тѣмъ, чтобы $\frac{1}{2}$ съ капитала употреблять для вспомоствованія неимущимъ алагирцамъ, а также на ихъ общественныя нужды. Нужно думать, что алагирцы даже и не подозреваютъ о существованіи этого капитала, который теперь съ наросшими $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$ составляетъ почтенную сумму. Примѣровъ можно было бы привести и еще, но довольно и этихъ для нашей цѣли.

По словамъ г. Абрамова*), при такъ, называемомъ „устройствѣ быта туземцевъ“, ихъ надѣляли 12—18 десятинами на дымъ. Я не знаю, откуда взяты эти цифры г. Абрамовымъ, по крайней мѣрѣ я ихъ нигдѣ не встрѣчалъ. Для характеристики земельной обезпеченности туземцевъ я приведу данныя, имѣющіяся въ статьѣ г. Гаврилова**), составленной по законченнымъ трудамъ сословно-поземельной комиссіи подъ предсѣдательствомъ тогдашняго начальника области графа Лорисъ-Меликова.

Оказывается, что нормою надѣла на дымъ для Большой Кабарды приняты (въ 1865 г.) 36 дес., для надтеречнаго наибства, образовавшагося изъ выселенныхъ на плоскость чеченцевъ, 33 дес. (1863 г.); назраповекій участокъ получилъ въ 1866 г. по 18 дес., Вольно - христіанскій и Вольно - магометанскіе аулы—по 24

*) „Кавк. горцы“—„Дѣло“ за 1884 г., № 1.

**) „Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ“. Выпускъ III.

десятины, о чемъ имъ объявлено 24-го февраля 1868 г.; ауль Ардонъ, а также Салугарданъ получили въ 1864 г. по 24 дес. Такимъ образомъ, за среднюю норму подымнаго надѣла на плоскости можно принять 27,5 дес. (въ расчетъ вошли и ауль Брагуны, надтеречнаго наибства, который, вслѣдствіе хорошаго качества занятыхъ имъ земель, получилъ лишь около 18 дес. на дымъ). Если въ податной единицѣ, въ дымѣ, часто состоящемъ изъ 2—3-хъ и болѣе семей, живущихъ вмѣстѣ, примемъ только 5 д. м. пола, то на каждую душу придется: 27,5 дес. : 5 = 5,5 д. Нечего говорить, что въ настоящее время, вслѣдствіе значительнаго прироста населенія за послѣднія 20 слишкомъ лѣтъ, не приходится и этого количества.

Для сравненія, посмотримъ теперь на казаковъ. По положенію 23-го апрѣля 1870 года, казаки должны были быть надѣлены землею въ размѣрѣ 30 дес. на душу мужск. пола. На самомъ дѣлѣ они получили нѣсколько менѣе. По доходности, земли терскаго казачьяго войска были раздѣлены на пять категорій; земель первой категоріи давали по 16 дес., второй—19 дес., третьей—23 дес., четвертой—28 и пятой—35,6 дес. на одну душу. Отсюда, средний размѣръ душевого надѣла для казаковъ составить 24,3 дес., т. е. казачья душа оцѣнена въ 4,4 раза дороже горской. Тамъ, гдѣ горская семья, состоящая изъ 5 душъ мужск. пола, получаетъ 27,5 дес., такая же казачья получаетъ 121 дес. Но это еще не все. Мы не приняли здѣсь во вниманіе туземцевъ, живущихъ въ горахъ и владѣющихъ всюду лишь ничтожными клочками удобной для культуры земли. Не говоря о жителяхъ горной Осетіи, о горскихъ обществахъ Кабарды, Балкаріи и Дигоріи, я приведу слова покойнаго Берже, касающіяся земельной обезпеченности чеченскаго населенія, самаго крупнаго на Сѣверн. Кавказѣ:

„Все населеніе чеченскаго округа, со-

стоящее изъ 81,360 дес., стѣснено на пространства 76 кв. миль; такимъ образомъ, на каждое семейство приходится въ аулѣ 5—10 дес., т. е. не болѣе 2 дес. на душу. При такой тѣсотѣ не только развитіе хозяйства, но даже существованіе народа не можетъ считаться обезпеченнымъ. Теперь не проходитъ весны, чтобъ аулы во время начала полевыхъ работъ не начинали спорить изъ-за 2—3-хъ десятинъ,—спорить, кончающихся всегда схватками и убійствами“ *).

Для плоскости Осетіи не дано даже того количества земли, какое опредѣлено имъ въ докладѣ комиссіи по правамъ личнымъ и поземельнымъ туземцевъ Терской и Кубанской областей, отъ 15-го ноябрия 1865 г., за № 729, представленномъ начальникомъ области, отъ 6-го февр. 1866 г., за № 366, на усмотрѣніе Великаго Князя Михаила Николаевича. Представленіе это было утверждено Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ отъ 2—3-го апрѣля 1866 г., за № 1430, при чемъ норма надѣла для означеннаго выше населенія осетинъ, опредѣлена, согласно докладу комиссіи, въ 40 дес. на дымъ. Очевидно, 27,5 дес и 40 дес.—не одно и то же. Но въ настоящее время и эти 27,5 дес. оказываются фиктивными. Съ 64 года населеніе должно было увеличиться въ значительной мѣрѣ просто отъ естественнаго размноженія. Духъ индивидуализаціи проникъ къ горцамъ и внесъ разладъ въ патріархальный строй ихъ жизни. Большія родовыя семьи стали быстро распадаться на отдѣльныя семьи. Обстоятельство это не могло не усложнить и затруднить земельныхъ отношеній. Ауль Ардонъ и Салугарданъ, какъ упомянуто выше, получили въ 69 году одинаковый надѣлъ—по 24 дес., въ настоящее же время приходится на дымъ значительно меньше. Ардонъ—5,700 дес. на 420 дым., на дымъ 13,8 дес.; Салугарданъ—4,350 дес. на 260 дым.,

*) „Рус. Стар.“ за 1882 г., № 10, стр. 10.

на дымь 16,8 дес. И тутъ все—и удобная, и неудобная земля.

Прошло немного со времени „устройства быта туземцев“, но уже чувствуется сильный недостатокъ въ землѣ, въ особенности въ пастбищахъ и лугахъ. Отовсюду слышны жалобы. Упадокъ овцеводства и скотоводства за послѣднія 10—12 лѣтъ подтверждается всѣми официальными данными, какія имѣются по этому предмету. Многие изъ алагирцевъ, ардонцевъ и обитателей другихъ ауловъ, занимающіеся овцеводствомъ, коневодствомъ и скотоводствомъ, сократили, иные продали вовсе, свои стада, такъ какъ держать скотъ въ прежнихъ размѣрахъ становится невозможнымъ на своей общинной и недостаточной землѣ, а нанимать пастбища и луга то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ оказывается не всякому подѣ силу, вслѣдствіе возрастающей изъ года въ годъ арендной платы и постоянныхъ потерь и расходовъ отъ передвиженій.

Аренда земель на сторонѣ сдѣлалась явленіемъ постояннымъ въ Осетіи; нѣтъ ни одного аула, который бы обходился своей землей. Земли арендуются главнымъ образомъ у терскихъ казаковъ, казачьихъ офицеровъ, чиновниковъ и отчасти въ Кабардѣ—у князей, получившихъ земельные участки. Жителей Салугардана, Ардона и др. ауловъ, дигорцевъ, не говоря объ осетинахъ, живущихъ еще и теперь въ горныхъ трущобахъ, постоянно можно видѣть за сѣвающими хлѣбъ верстъ за 20—большинство, за исключеніемъ немногихъ болѣе состоятельныхъ людей, должно ограничиваться краткосрочной арендой, на 1—2 года, и находиться въ полной зависимости отъ хозяина земли.

По свѣдѣніямъ сословно-поземельной комиссіи, ардонцы-осетины еще въ 1863 году уплатили:

Змѣйской станицѣ за пахоту 120 р.

Николаевской станицѣ за пастьбу 90 „

Ардонской казачьей станицѣ за зимовку овецъ . . . 90 р.
 Ей же за пастьбу 12 „
 „ „ „ пастьбу овецъ . . . 40 „
 352 р.

Въ настоящее время, спустя 33 года, тотъ же самый аулъ уже расходуетъ на наемъ земли болѣе 11,200 руб. въ годъ. Арендуются болѣе всего пахотныя земли, затѣмъ покосныя и пастбищныя у Ардонской и Архонской казачьихъ станицъ, а также у казачьихъ офицеровъ терскаго казачьяго войска.

Подѣ пахоту, покосъ и пастьбу жители салугардонскаго аула арендуютъ земли у алагирскаго серебряно-свинцоваго завода, общества казачьей станицы Алагирь, землевладѣльцевъ Кубатіевыхъ и Тугановыхъ на сумму до 4,480 руб. въ годъ. Въ обоихъ этихъ аулахъ къ арендѣ земли прибѣгаютъ почти всѣ дворы, при чемъ арендуемая земля отстоятъ отъ ауловъ на разстояніи 8—20 верстъ въ конецъ. За десятину пахотной земли подѣ кукурузу платятъ отъ 7—10 р., подѣ шеницу—отъ 4—7 руб. въ годъ; двадцать лѣтъ тому назадъ за тѣ же земли арендная плата на десятину колебалась между 1 и 3 руб.

Что касается до большинства дигорцевъ и всѣхъ жителей горной Осетіи, то взрослое населеніе ихъ, съ наступленіемъ теплаго весенняго времени, за отсутствіемъ дѣла у себя дома, начинаеть двигаться на плоскость на заработки, гдѣ проводить все время до поздней осени, при чемъ заработанную плату чаще всего берутъ хлѣбомъ, который и увозится затѣмъ домой на прокормленіе семьи въ зимнее время.

Недостатокъ земли сталъ чувствоваться съ особенною силою съ тѣхъ поръ, какъ усилился наплывъ южно-русскихъ крестьянъ въ Терскую область. Трудно пробхать хотя бы одинъ разъ по ростово-владикавк. жел. дорогѣ, чтобы не встрѣтить сытыхъ и довольныхъ молочанъ, съ увлеченіемъ рассказывающихъ о прекрасныхъ мѣстахъ въ Тер. обл., или занятыхъ

разспросами и расчетами все о завѣтной мечтѣ ихъ за послѣднее время—объ своемъ устройствѣ на Кавказѣ. На черной рѣчкѣ, протекающей между аулами Астемуровскимъ и Муртазовскимъ (влад. окр.), поселились лѣтъ 20 тому назадъ около 30 дворовъ молоканъ-овцеводовъ, арендовавъ около 500 дес., по 1 р. 50 к. за десятину, у какого-то кабардинца, если не ошибаюсь, на 12 лѣтъ. Они тогда же построили дома и энергично принялись за работы. Трудолюбивый и предприимчивый народъ этотъ не испугался, ободряемый, какъ говорятъ, мѣстнымъ начальствомъ, окружающихъ туземцевъ, смотрѣвшихъ на нихъ не совсемъ дружелюбно. Съ самаго начала они приняли видъ военного поселенія, устроили постоянный караулъ изъ своей среды, вооруженный по всемъ правиламъ, и мужественно отбивались отъ воровскихъ покушеній туземцевъ, не забывая въ то же время, подъ прикрытiемъ своей военной стражи, главную цѣль—хозяйство, обработку своихъ полей. До сихъ поръ они еще ни въ чемъ не потерпѣли отъ горцевъ, которые оставили ихъ въ покоѣ, увидѣвъ, что у нихъ ничего не лежитъ плохо, что отъ нихъ взятки гладки, что они ихъ вовсе не боятся. Это они вполне и доказали туземцамъ (кабардинцамъ), уже одержавъ надъ ними нѣсколько кровавыхъ побѣдъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь рассказывать. Молокане привезли съ собой всевозможныя земледѣльческія орудія и принялись за хозяйство свое очень основательно и умѣло, производя все работы машинами.

Рядомъ съ молоканами, по той же черной рѣчкѣ Акмазъ, поселились какіе то „тавричане“, между прочимъ, и одинъ изъ тѣхъ овцеводовъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Я лично разговаривалъ съ нѣсколькими искателями земли изъ молоканъ и убѣдился, что они хорошо изучили Сѣверн. Кавказъ; знаютъ условія жизни, климатъ и почву въ Чечнѣ, Большой и Малой Кабардѣ, въ Осе-

ти, не говоря о Ставропольской губ. и Кубанской области, кои извѣстны имъ отлично уже давно. Молокане знаютъ, гдѣ есть свободныя земли, у кого сколько десятинъ, какая почва, климатъ, на какихъ условіяхъ она отдается и проч. Никто лучше этихъ людей не критикуетъ культурную несостоятельность горцевъ, въ особенности ихъ полное незнаніе и неумѣніе заниматься настоящимъ образомъ земледѣльческимъ трудомъ. Владѣя жемчужиной,—говорятъ они,—горцы, благодаря своимъ способамъ хозяйствования и обработки земли, скоро эту драгоценную жемчужину превратятъ въ безплодную пустыню.

Отзывъ слишкомъ рѣзкій, хотя до извѣстной степени съ нимъ нельзя не согласиться всякому, имѣвшему случай наблюдать горское хозяйство.

О нашествіи тавричанъ на Сѣверн. Кавказъ вотъ что, между прочимъ, сообщается въ газетѣ „Сѣвер. Кавказъ“ за 1887 г., отъ 29-го мая:

„Овцеводы-тавричане стали скупать помѣщичьи—въ Ставропольской губерніи и, такъ называемыя, господскія земли—въ Кубанской и Терекской областяхъ, по баснословно дешевымъ цѣнамъ: покупали по 3, 4, 5 и 8 руб. десятину прекрасной земли. Землевладѣльцы, какъ мухи, льнули къ благодѣтелямъ-тавричанамъ и непрерывно другъ передъ другомъ предлагали свои участки. Насытивши свою утробу покупкой земли, если можно такъ выразиться, тавричане вызывали родныхъ, знакомыхъ и, усиленнымъ „спросомъ“ на землю, немного подняли цѣны на нее. Неблагодарныя землевладѣльцы, спустившіе лучшіе участки земли за безцѣнокъ, ахнули, услышавъ, какъ земля поднялась въ цѣнѣ и какую громадную выгоду извлекаютъ новые владѣльцы-чабаны изъ этихъ земель. Примѣръ тавричанъ увлекъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, которые, страхнувшись съ себя дремоту, стали осмысленно осматриваться кругомъ и, въ подражаніе тавричанамъ, стали заводить „илленскую“ овцу и прикупать земли; но пробужденіе оказалось слишкомъ запоздалымъ: почти все свободныя, не эксплуатируемыя земли оказались въ ру-

какъ сообразительныхъ тавричанъ, а какія остались, дѣлятся въ 5—10 разъ дороже прежнихъ. Огромное пространство земли обращено теперь въ вѣчную собственность тавричанъ. Посмотришь на много изъ этихъ новыхъ землевладѣльцевъ и диву дашься, слыша, что этотъ запотникъ, плугавый чабанъ, въ грязной засаленной одеждѣ, имѣлъ такую уйму денегъ, что, не задумываясь, приобрѣлъ на наличныя деньги имѣніе за 100—200 тысячъ рублей“.

Вслѣдствіе недостатка общинной земли и перекуски разными тавричанами и куццами свободныхъ чиновничьихъ участковъ, а также участковъ разныхъ узденовъ и князей, не занимавшихся вовсе хозяйствомъ, происходитъ быстрое возрастаніе арендной платы и дѣнь на землю. Въ Малой Кабардѣ, ровно 20 лѣтъ тому назадъ, по 3—4 руб. за десятину можно было купить сколько угодно, при томъ даже съ разсрочкою платежа на много лѣтъ. Нынѣ тѣ же земли невозможно приобрести и за 40—50 руб. наличными. Десятина, продававшаяся за 4 руб., приноситъ теперь одной аренды вдвое болѣе. Въ центрѣ осетинскаго населенія и въ Дигоріи арендная плата съ десятины достигаетъ до 7—10 руб. и даже болѣе въ годъ.

Увеличивающійся съ каждымъ годомъ недостатокъ земли долженъ бы, казалось, заставить горцевъ заботиться о поднятіи производительныхъ силъ своего земледѣльческаго хозяйства путемъ введенія новыхъ приѣмовъ обработки, удобрения, ухода и т. д., но этого не замѣчается совсѣмъ: туземцы и въ настоящее время занимаются земледѣліемъ такъ же, какъ занимались отцы и дѣды ихъ на плоскости. Увеличеніе запасекъ, замѣчаемое у нихъ, объясняется чисто торговыми интересами, въ особенности спросомъ на кукурузу; въ качественномъ же отношеніи обработка почвы нисколько не измѣнилась, хотя многие обзавелись даже плугами. Вообще замѣчается, что земледѣліе перестаетъ интересовать ту-

земцевъ все болѣе и болѣе. Не такъ давно еще онъ любилъ это занятіе, ибо оно вполне обезпечивало его скромное существованіе; теперь же, даже отдавъ ему всего себя, все свое время, онъ не можетъ рассчитывать, что оно удовлетворитъ даже $\frac{1}{2}$ его многочисленныхъ потребностей.

Такое положеніе дѣль объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующими причинами: во-первыхъ, недостаткомъ земли *), о чемъ мы уже говорили раньше; во-вторыхъ, неудачнымъ расположеніемъ аульныхъ обществъ относительно своей общинной земли; въ третьихъ, непривычкою туземцевъ къ общинной и общественной жизни, и, въ-четвертыхъ, полнымъ отсутствіемъ сельскохозяиств. знаній среди туземнаго населенія, отсутствіемъ въ Терской области образцовыхъ хозяйствъ, опытныхъ полей, фермъ, гдѣ бы горцы могли видѣть примѣръ и научиться чему-либо полезному.

При существующей залежной системѣ хозяйства и распредѣленіи населенныхъ мѣстъ, производившемся исключительно подѣ влияніемъ военно-стратегическихъ соображеній, для туземцевъ нѣтъ даже физической возможности приняться за усовершенствованную культуру. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ аулы и станицы расположены на окраинахъ своихъ земель. На пашни приходится ѣхать за 10—12 и болѣе верстъ. При такой отдаленности полей, крестьянину и думать не приходится объ удобреніи своихъ полей: скорѣе онъ откажется отъ нихъ совсѣмъ.

Что касается до третьей причины, то здѣсь указываютъ все на непривычку туземцевъ къ общинной жизни, къ самоуправленію, на постоянный разладъ и рознь въ обществѣ,

*) Для бельгійца душевой надѣль горца — 3 или 4 дес. — составляетъ цѣлое богатство, но я говорю о сравнительной съ казаками обезпеченности землею горцевъ на Кавказѣ, а не въ Бельгіи, притомъ въ связи съ младенческимъ состояніемъ земледѣльческой культуры у туземцевъ Сѣв. Кавказа.

вытекающие из тех же родовых отношений, о которых я упоминал раньше и которые побликом перенесены на веселословную, современную общину. Хозяйственными дѣлами каждого аула заправляютъ наиболѣе видные и вліятельные представители отдѣльных родовъ. Если эти самолюбивые и обидчивые представители живутъ согласно между собою—дѣла общества идутъ сносно но вотъ между друзьями пробѣжала черная кошка—и каждый начинаетъ тянуть на свою сторону, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дѣла общественныя, при чемъ за представителями родовъ идутъ, по установившемуся обычаю, и всѣ члены фамиліи. Присходящее отсюда зло настолько велико, что, дѣйствительно, парализуя всякую личную инициативу, можетъ отбить охоту заниматься съ любовью земледѣліемъ. Единичная личность лишена возможности, подѣ страхомъ штрафа, производить земледѣльческія работы, напр., пахоту весною, косьбу—лѣтомъ, и пр., въ свое время: приходится ждать, пока вопросы объ этихъ важныхъ предметахъ не получатъ надлежащаго разрѣшенія въ руководящихъ кругахъ сельскаго правленія. Можно себѣ представить мучительное состояніе настоящаго хозяина, спѣшившаго закончить весеннія работы, чтобы скорѣе воспользоваться влагою почвы, вспахать и задѣлать сѣмена! Часто, не дождавшись общественнаго рѣшенія выйти въ поле, такіе хозяева, махнувъ рукой на свою долю изъ общественной земли, спѣшатъ произвести посѣвъ хлѣбовъ на чужой землѣ—помѣщицѣй или казенной, которая для этого арендуется гдѣ-либо поблизости. Иллюстраціей ко всему этому можетъ служить образцовое веденіе хозяйства молочанями, живущими поблизости, на земляхъ князей и узденей кабардинскихъ. Вотъ у молочанъ покончили съ покосомъ, убранъ хлѣбъ и свежень въ гумно, поля озимой пшеницы покрылись красивою зеленью, а туземцы въ это время не успѣли еще подѣлать

между собою луга, только вышли убирать осыпавшійся хлѣбъ, не кончили пахать подѣ озимь...

Откуда взяться прогрессу земледѣльческой культуры у туземцевъ, если во всей Терской области нѣтъ ни одной сельскохозяйственной школы—о чемъ рѣчь будетъ еще впереди,—ни одного образцоваго хозяйства, даже періодическихъ изысканій земледѣльческихъ машинъ—этого простѣйшаго и легчайшаго способа оказать практическую помощь населенію. По другимъ сторонамъ жизни туземцы видятъ и воспринимаютъ многое, при чемъ воспринимаемое далеко не всегда имѣетъ для нихъ полезное значеніе, здѣсь же, на почвѣ земледѣльческой культуры, они лишены возможности видѣть что-либо образцовое, примѣрное, что могло бы возбудить ихъ, вызвать на дѣйствительно полезное подражаніе. Судя по ихъ самостоятельнымъ усиліямъ, можно думать, что они догадываются о полезности для нихъ земледѣльческихъ машинъ въ настоящее время,—по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ сдѣланы уже, дѣлаются и теперь, многотщетныхъ и убыточныхъ усилій. Горцы довольно много покупаютъ плуговъ и сортировокъ; была пора, когда появились даже жатвенная машина и косилки. Жнеи и косилки брошены по той простой причинѣ, что онѣ сами не косили и не жали; горцу же думалось, что трудно только купить, а тамъ все дѣло пойдетъ само собою, благодаря чудодѣйственной силѣ хитронадуманной машины. О плугахъ лѣтъ 20 не было и помину среди туземцевъ. Въ настоящее время не найдется, пожалуй, и одного аула въ плоскостной Осетіи, гдѣ бы большинство хозяевъ не имѣло уже плуговъ.

Наибольшее распространеніе получаютъ плуги англо-болгарскіе и работы нѣмецкихъ колонистовъ (около Владикавказа)—послѣдніе благодаря денежизнѣ и возможности починить въ случаѣ поломки—хотя выписыва-

и других системъ (изъ Армавирскаго, Ростова). Если бы не частыя неудачи въ выпискѣ и выборѣ, происходящія отъ незнанія горцами, какіе плуги болѣе всего подходятъ подъ данныя условія почвы и мѣста, а также вслѣдствіе недобросовѣстности мелкихъ фирмъ, продающихъ неопытнымъ горцамъ нерѣдко выкрашенные старые, — плуги могли бы получить быстрое и большее распространеніе среди туземцевъ Сѣвернаго Кавказа. Я видѣлъ случаи, когда выписывали тяжелый и дорогой говардовскій плугъ, полагая, что усовершенствованные плуги одинаково годны для всякихъ почвъ, и пускали его въ легкую и рыхланную почву... Конечно, если бы горецъ зналъ, что этотъ прекрасный плугъ хорошъ только для поднятія нови и вовсе не годится для рыхланыхъ почвъ, онъ не выписывалъ бы его совсѣмъ. Точно также и относительно всѣхъ другихъ машинъ: онъ не знакомъ надлежащимъ образомъ съ употребленіемъ и дѣйствіемъ ихъ, а потому и терять пока чувствительныя потери и неудачи, послѣ которыхъ въ большинствѣ случаевъ возвращается къ плугу своихъ отцовъ; послѣдній, несмотря на очевидные недостатки, имѣетъ то важное достоинство въ его глазахъ, что годенъ для всякихъ почвъ.

Изъ этихъ соображеній видно, въ какихъ потемкахъ ходятъ туземцы. Имъ не у кого учиться. Обыкновенно указываютъ на нѣмецкія колоніи въ Терской области, которыя якобы могли бы служить школами для приобрѣтенія горцами практическихъ знацій по сельскому хозяйству, если бы горцы присматривались къ нимъ. Но думающимъ такъ слѣдовало бы помнить, что нѣмцы знаютъ для себя, а не для туземцевъ. То же самое можно сказать относительно молочанъ, которые поселились въ Малой Кабардѣ и съ которыми, вдобавокъ, у туземцевъ установились съ первыхъ же дней враждебныя отношенія.

Такимъ образомъ прогрессъ земледѣльческой культуры оказывается дѣломъ чрезвычайно труднымъ и непосильнымъ горцу за короткое время его мирной жизни. Не нужно забывать низкой ступени его простого, элементарнаго хозяйства, которое не такъ-то легко поднять сразу. Культура цѣлыхъ отдѣловъ хозяйственныхъ растений (садовыхъ, огородныхъ и въ особенности промышленныхъ) горцу не извѣстна вовсе. Немудрено, если его начинаетъ тянуть на сторону, на другіе роды дѣятельности, могущіе скорѣе, чѣмъ земледѣліе и занятіе хозяйствомъ, удовлетворить не терпящимъ отлагательства потребностямъ.

Въ отношеніи садоводства горцами сдѣланы кое-какіе успѣхи, но и то пока на весьма ограниченномъ районѣ. Сначала оно возникло въ Алагирѣ, благодаря стараніямъ и умѣлой дѣятельности генерала Иваницкаго и г. Щастливцева, о которыхъ алагирцы всегда вспоминаютъ съ благодарностью и уваженіемъ. Приютившись здѣсь, оно затѣмъ распространилось и на ближайшіе аулы, въ особенности на Ардонъ.

Другимъ разсадникомъ культуры плодовыхъ деревьевъ сдѣлалась плачевной памяти сельско-хозяйственная школа на Камбилеевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Владикавказа, порученная правительствомъ управленію г. Бушена и просуществовавшая столь непродолжительно. Въ сравнительно короткое время при этой школѣ былъ разведенъ прекрасный фруктовый садъ, обратившій на себя вниманіе. Осколкомъ этого сада можно считать довольно большой и хорошей садъ А. Ф. Эглау, въ Заманкулѣ.

Правительство содѣйствовало привитію плодовой культуры еще тѣмъ, что раздавало небольшіе участки земли около Владикавказа подъ условіемъ разведенія на нихъ плодовыхъ плантацій въ продолженіе опредѣленнаго времени. Такимъ образомъ разведеніе фруктовыхъ деревьевъ ограничивается Алагиромъ, Ардономъ и

окрестностями Владикавказа, на 7—8 версть. Во всѣхъ остальныхъ уголкахъ владикавк. округа, несмотря на хорошія условія климата и почвы, о садоводствѣ и даже огородничествѣ среди туземнаго населенія не имѣется ровно никакихъ свѣдѣній.

Посмотримъ теперь на *измѣненія*, происшедшія въ другихъ сторонахъ народной жизни въ Осетіи.

Въ былое время, лѣтъ 20 тому назадъ, встрѣтить сколько-нибудь порядочный домъ въ аулѣ представлялось явленіемъ рѣдкимъ: строился только рѣдкій туземецъ-чиновникъ, одинъ на десятки тысячъ населенія. Всѣ жили въ самыхъ простыхъ сакляхъ, построенныхъ кое-какъ, въ лучшемъ случаѣ изъ бревенъ, зачастую же—просто изъ мелкихъ стоячихъ жердей, обмазанныхъ глиною въ смѣси съ мякиною и свѣжимъ навозомъ. Простое четырехугольное отверстіе, величиною въ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ кв. арш., составляло окно, днемъ чаще закрывавшееся тряпками, а ночью—ставней. По срединѣ комнаты располагался очагъ, а въ потолокъ, чтобы не задохнуться, устраивали трубу съ расширеннымъ основаніемъ (на подобіе опрокинутой воронки) для отвода дыма. Полъ—земляной; потолокъ иногда досчатый или плетневый; только въ горницахъ и кунацкихъ устраивались каминъ; печей же вовсе не бывало. Если вы теперь проѣдете по ауламъ плоскостной Осетіи, вы удивитесь происшедшей переměнѣ. Въ любомъ аулѣ вы уже найдете много довольно приличныхъ домовъ, крытыхъ черепицею, имѣющихъ вмѣсто крошечныхъ отверстій большія свѣтлыя окна (въ 6—8 стеколъ), закрывающіяся филеичатыми ставнями. Если вы войдете въ одинъ изъ этихъ домовъ, васъ введутъ въ просторную и свѣтлую комнату съ хорошимъ деревяннымъ поломъ, съ потолкомъ, обшитымъ шилевками; вмѣсто каминъ чаще вы увидите печку, снабженную всѣми принадлежностями; вмѣсто простыхъ мазанныхъ стѣнъ зачастую найдете оштукату-

ренныя или обклеенныя обоями; двери, створчатыя рамы, ставни—всѣ снабжены мѣдными ручками, петлями, крючками. Не менѣе обратитъ на себя ваше вниманіе мебель и вообще обстановка. Вы съ удовольствіемъ увидите столъ, часто покрытый скатертью, очень приличную кровать, стулья (нерѣдко соломенные), диванъ, полированный шкафъ и т. п. Если вы гость, русскій, или долго жили въ Россіи и усвоили русскіе обычаи, вамъ могутъ подать тшеславные горцы обѣдъ съ претензіями на русскій вкусъ и обычаи; каждому изъ гостей могутъ подать отдѣльный приборъ съ вилками, ножами, салфетками; на столѣ появятся графины съ горскимъ пивомъ и съ неизмѣнной аракой, а рядомъ можетъ быть поставлена чаша съ медовой брагой. Но раньше обѣда васъ угостятъ непременно чаемъ, при чемъ будутъ на-лицо всѣ принадлежности чаенія. Чай подается вмѣсто закуски, сейчасъ по пріѣздѣ гостя, а также утромъ и вечеромъ. Всѣ эти вещи и обстановка горцу обходятся очень дорого. Особенно не по средствамъ ему самоваръ, который можно видѣть въ каждомъ домѣ средней состоятельности. Такъ какъ чай пьютъ исключительно въ накладку, не находя въ немъ иначе и смысла, и пьютъ съ гостями всѣ, кто только изъ постороннихъ случится въ домѣ, то расходъ на него оказывается очень обременительнымъ. Несмотря на это, горецъ всегда предлагаетъ чай, ибо хотя онъ и очень бѣденъ, но честь ему дороже всего на свѣтѣ: пусть никто не думаетъ, что такой-то, Магометъ или Бимболатъ, не умѣетъ принять своихъ гостей, что у него нѣтъ чѣмъ обласкать, угостить и отпривить съ честью гостя: „я буду самъ за кулисами жевать черствый хлѣбъ съ сыромъ или водой (такъ онъ и дѣлаетъ), а для гостей найду все приличное.“ Чай считается почетнымъ напиткомъ даже у русскихъ, у которыхъ

есть все и которые умѣютъ такъ хорошо и чисто жить,—какъ же его не ввести горцу у себя и не угощать имъ своихъ гостей!

Но возвратимся къ постройкамъ горца. И новые дома строятся по старому плану, располагая комнаты въ рядъ, какъ я указывалъ выше. Домами горцы просто увлеклись. Нужно замѣтить, что они любятъ все бросающееся въ глаза—все, что пестритъ и рябитъ. Можно всюду наблюдать, что горецъ въ своихъ высокихъ и просторныхъ хоромахъ даже и не живетъ: рядомъ съ хоромами онъ непременно ставитъ свою милую саклю и большую часть времени проводить въ ней. Это я понимаю: она меньше, теплѣе, уютнѣе; семья тутъ собирается вся и грѣется, по привычекъ, около привѣтливаго огонька въ то время, какъ въ „хоромахъ подь черепицею“ свиститъ вѣтеръ и не поадааетъ зубъ-на-зубъ. Между тѣмъ онъ довелъ себя до разоренія съ этими постройками. Сколько она стоила ему труда, времени, денегъ! Зачѣмъ же онъ ихъ строилъ? Зачѣмъ, что строились другіе, зачѣмъ, что существуетъ зависть, тщеславіе. Если богатый Иванъ выстроилъ домъ, то почему того же не можетъ сдѣлать самолюбивый и гордый Асламбекъ? Да, онъ непременно построитъ, хотя бы тутъ же пришлось ему лечь костью! Горцы въ горячкѣ подражанія, дѣйствительно, не считали своихъ средствъ. Аулы съ новыми постройками *) производятъ приятное впечатлѣніе только издали, когда не знаешь, что осталось внутри этихъ домовъ и чѣмъ живетъ тамъ человекъ. Присмотрѣвшись же ближе, получаешь совершенно обратное впечатлѣніе. Прежде существовала гармонія между всѣми постройками во дворѣ горца; каждая изъ нихъ находилась на своемъ мѣстѣ, податая съ другими, и не рѣза-

*) Кстати замѣчу, что всѣ новыя постройки въ Осетіи дѣлаются грузинами изъ рачинскаго уѣзда.

ла глазъ; не было никакихъ недостатковъ въ заборахъ, плетняхъ: все было скромно, бѣдно, но цѣло. Новые дома нарушили эту цѣлостность и соответствие въ расположеніи отдѣльных хозяйственныхъ частей усадьбы: выстроенные на самыхъ видныхъ мѣстахъ, на-показъ для всего міра, они выросли какъ бы изъ пепла и разрушенія. Кромѣ этого новаго дома, во дворѣ вы уже ничего не увидите, такъ сказать, на своихъ ногахъ: все пришло въ упадокъ, начиная съ самыхъ необходимыхъ построекъ, какъ скотный дворъ, сарай, конюшня, заборы и т. д., до множества мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Домовитаго хозяина, любящаго извѣстную цѣлостность, соответствие и гармонію, такой домъ, среди полнѣйшаго разрушенія, положительно будетъ раздражать; для осетина же, какъ плохого хозяина, это безразлично: важно только удовлетворить чувству тщеславія. Когда строится какой-либо рентеръ—я понимаю, въ чемъ тутъ дѣло: у человека есть деньги и строится. Понимаю также мужичка, обладающаго золотыми руками, умѣющаго ими дѣлать все, покупающаго только самое необходимое; но тяжкія затраты осетина на черепицу, кирпичъ, лѣсъ (часто и лѣсъ покупной), постройку дома, печи, известь, двери, рамы, стулья, столы, кровать, самоваръ и т. п.,—не сразу поймешь.

Ничего не дѣлая самъ изъ перечисленныхъ предметовъ хозяйства,—откуда онъ беретъ средства на все это? Только когда заглянете въ опустѣлый дворъ, гумно, увидите пищу горца, узнаете, что, для этихъ бесполезныхъ построекъ, онъ не разъ подводилъ себя подъ петлю, только тогда вы поймете все, поймете значеніе и силу подражанія для горскихъ племенъ!

Въ настоящее время изъ всѣхъ ауловъ въ Осетіи лучше всѣхъ устроились владикавказскіе осетины, алагирцы и ардонцы. Подвергаясь съ

давнихъ поръ непосредственному вліянію новыхъ условій жизни, по- нявъ рано свое положеніе, они успѣ- ли и раньше и лучше другихъ приспособиться и въ-время воспользо- вались услугами правительства по просвѣщенію. Рядомъ съ этимъ, въ постоянномъ общеніи съ рус- скими, они давно принялись за разные ремесла, измѣнили во многомъ способы хозяйствованія и живутъ относительно лучше. Въ сре- дѣ ихъ много саножниковъ, столя- ровъ, кузнецовъ и мелкихъ торгов- цевъ, ведущихъ свои дѣла довольно толково. У нихъ же прежде всего приютилась культура плодовыхъ де- реьевъ. Но вслѣдствіе своего особо- благоприятнаго положенія, пав. горцы составляютъ исключеніе. Здѣсь я ука- зываю только на нихъ, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду и остальную массу народа. Это необходимо постоянно помнить.

Въ послѣдніа 20 лѣтъ замѣчается постепенное вытѣсненіе вола, какъ рабочей скотины, лошадыю. Дѣтъ 20 тому назадъ упряжныя лошади со- ставляли рѣдкое исключеніе; нынѣ же нѣтъ ни одного двора, даже са- маго бѣднаго, который бы не имѣлъ упряжной лошади. Препжній египтис- ческій взглядъ на работу лошади из- мѣнился совершенно въ обратную сторону, и нынѣ горець мирится скорѣе съ тѣмъ, чтобы не имѣть воловъ, чѣмъ не имѣть лошади, ставшей необходимою. Въ боль- шинствѣ случаевъ имѣется въ Осе- тин, Дигорин и Чечевъ по двѣ ло- шади въ каждомъ достаточномъ дворѣ, а у состоятельныхъ и боль- ше. Рядомъ съ этимъ горы ста- ли и лучше ухаживать за лошадыю. Препже зерновой хлѣбъ давался только верховой лошади, теперь же даютъ его и рабочей, хотя далеко еще неправильно, боль- ше урывками, когда лошадыя работа- етъ (такъ же неправильно, какъ ни- тается самъ горець), а то и совсѣмъ не даютъ, чтб, разумѣется, крайне дурно отзывается на животномъ.

Вотъ и въ этомъ отношеніи алагир- цы, ардонцы и владикавказскіе осетины замѣтно отличаются отъ другихъ туземцевъ: у нихъ, какъ и у русскихъ, упряжныя лошади от- кормлены и рѣзко отличаются сво- имъ видомъ отъ всегда очень ху- дыхъ лошадей остальныхъ плоскоес- тныхъ туземцевъ.

У кабардинцевъ лошадей стали употреблять въ упряжъ только въ самое послѣднее время. Осетины по- степенно смѣются надъ кабардинцами, бѣдшими въ конной арбѣ, потому что у нихъ всегда что-нибудь да не въ порядкѣ. Съ попытками введенія плуговъ въ Осетин стали лошадей запрягать и въ плугъ. Врядъ ли ос- новательно они приписываютъ себѣ честь перваго примѣненія двухколес- ной арбы съ такою своеобразною упряжью для лошади. „У насъ нѣтъ лучшей выдумки—смыслъ я не разъ отъ осетинъ,—какъ наша конная ар- ба, которая такъ легка и, сравни- тельно, можетъ вести такъ много тя- жести“. Между тѣмъ конная арба съ такою же точно упряжью употре- бляется очень давно патайцами, баш- кирами, киргизами и вообще встрѣ- чается по всей Средней Азии.

Въ числу полезнѣйшихъ занятій ва- шей относится введеніе въ практику употребленія дегтя. Подумаешь—ни- чтожная вещь, а какое имѣетъ про- мысловое значеніе въ сохраненіи рабо- чей силы, рабочихъ инструментовъ и рабочаго времени! Горцы это по- пали, хотя, къ сожалѣнію, далеко еще не все. Въ то время, какъ ка- бардинскія арбы издаютъ еще веѣтъ извѣстный, раздражающій душу, скрипъ, у чеченцевъ, осетинъ, ингушъ и ди- горцевъ онъ смазанъ настоящимъ дегтемъ. Шумъ кабардинской арбы кажется уже дикимъ осетинамъ. Со- вершенно никуда негодный суррогатъ дегтя горцы приготовляли преле- изъ сала, смѣнивая его съ горячек- созоменною золою до тѣхъ поръ, пока масса не чернѣла и не приня- мала видъ густого тѣста; при этомъ для совершенія приведенной операціи

во дворѣ разводился костеръ изъ пшеничной соломы и производилась грязная и кропотливая работа.

Съ проведеніемъ ростово-владикавказской жел. дороги производеніи мануфактурной и заводской промышленности вытѣсниютъ всюду мѣстные изделия, убивая кустарные промыслы страны. Желѣзные изделия, доставлявшіеся мѣстными кустарями, сдѣлались покупными. Выгода легкой литовки (сравнительно съ тяжелой туземной косой), которою можно косить въ обѣ стороны, слишкомъ очевидна, чтобы ея не покупать. То же самое и во всемъ. Лучшие оружейники-туземцы не находятъ себѣ работы. Чтобы перебиваться хоть кое-какъ, они теперь часто работаютъ на заказъ, предупреждая заказы: сдѣлаютъ нѣсколько пистолетовъ, оправятъ ихъ въ серебро или золото и разносятъ, предлагая почти за безцѣнность. Между тѣмъ прежде эти мастера не успѣвали исполнять всѣхъ своихъ заказовъ. Оружейное дѣло подорвано даже въ Дагестанѣ, гдѣ оно стояло на высокой ступени развитія и могло болѣе всего держаться. „Прежде въ своемъ селеніи кустарь имѣлъ возможность специализировать свой трудъ: одинъ, напр., занимался ковкою на-черно, а сосѣдь его занимался наръзкою ствольныхъ третій — ихъ шпифовкою, четвертый — выдѣлкою замковъ и проч. Теперь такихъ рабочихъ селеній уже мало въ Дагестанѣ, и домашнее производство замѣнилось отхожимъ, а прежніе осѣдые кустари разбрелись по всѣмъ селеніямъ Кавказа по одному и по два. При этомъ отхожіи кустари должны были даже бросить свою главную специальность и раздѣляться на мелочи: здѣсь онъ починитъ лемехъ, тамъ отвалитъ, сдѣлаетъ ножъ или полудитъ мѣдную посуду“ *).

Такие предметы фабрично-заводской промышленности, какъ косы,

*) „Очеркъ кустар. промысловъ Сѣв. Кавказа“, сост. Марграфъ. 1882 г.

серпы, топоры, лопатки, мотыги, замки, крючки, буравы, долота, шилы и проч., сдѣлались все покупными; горцы же кустари занимаются ихъ починкою. Прежде каждый горецъ былъ до известной степени кустаремъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства; теперь онъ перестаетъ быть таковымъ: специализированный трудъ въ городахъ предупредительно доставляетъ ему на рынокъ все предметы хозяйства, все орудія труда, притомъ въ лучшемъ, болѣе совершенномъ видѣ.

На рынокъ горецъ долженъ брать съ собою только небольшую вещь — деньги. Авторъ „Очерковъ кустарныхъ промысловъ на Сѣв. Кавказѣ“ болѣе чѣмъ правъ, говоря: „Покореніе Кавказа не имѣло еще пока благотворнаго вліянія на здѣшніе кустарные промыслы; напротивъ того, со времени завоеванія страны, интересы многихъ кустарей страдаютъ“.

Все это въ порядкѣ вещей, въ современномъ капиталистическомъ строе и ново только для Кавказа. Въ Россіи же крупное производство всюду вытѣсняетъ мелкіе промыслы, которые не выдерживаютъ конкуренціи. „Конкуренція кустарниковъ съ крупными механическими фабриками оказывается совершенно немислимою и фабрички-свѣтелки по деревнямъ одна за другою прикрываются...“ „Въ производствахъ тѣхъ ткачей, которые составляютъ предметъ механическаго ткачества въ бумажномъ производствѣ (митраль, бязь, кретонъ), также замѣчается полный упадокъ кустарнаго промысла“ *).

Подобныя свидѣтельства можно встрѣтить во всѣхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ по предметамъ кустарныхъ промысловъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи, въ особенности же Московскаго округа.

Немало разоряется воинственный горецъ на новыя оружія — револь-

*) „Куст. ткачество въ Моск. губ.“ Изв. моск. стат. комитета.

веры, берданки. Удамой горець скорѣй обойдется безъ куска хлѣба, чѣмъ безъ этихъ оружій, въ которыхъ онъ просто души не чаеъ. Каждый юноша, способный ловко сидѣть на лошади, днемъ занимающійся мирными занятіями по хозяйству, а съ наступленіемъ ночи пускающійся на воровскія приключенія, обязанъ имѣть револьверъ или берданку. Иначе—какой же онъ молодець, чѣмъ онъ защититъ себя отъ другихъ, вооруженныхъ ими? Но не только юноши разсуждаютъ такъ. Люди почетные и уже пожилые также считаютъ обязанностью имѣть то же самое оружіе, потому что, они стѣсняются показывать-ся въ люди съ своими археологическими кремневыми пистолетами, когда на боку у всякаго бѣдняка и молоко-соса красуется револьверъ Смитта-Вессона. О своихъ отцовскихъ оружіяхъ горцы отзываются уже съ презрѣніемъ, боясь даже стрѣлять изъ нихъ. Не потеряли своей репутаціи только шашка и кинжалъ. Усовершенствованныя оружія, несмотря на запрещеніе носить ихъ, или, быть можетъ, благодаря этому запрещенію, получили сильное распространеніе въ народѣ, и на ихъ покупку горцы теряютъ много изъ своихъ трудовыхъ денегъ. Часто иной воруетъ съ единственною цѣлью накопить денегъ для покупки револьвера или берданки. Сколько ни отбираютъ ихъ въ силу извѣстнаго закона, но количество обращающагося въ народѣ оружія не только не уменьшается, а, наоборотъ, сильно увеличивается: во Владикавказѣ конфискованнымъ оружіемъ, говорятъ, наполнены цѣлыя помѣщенія.

Сильное распространеніе за послѣднее время получило куреніе турецкаго табаку. Прежде курили махорку, и курили, за весьма рѣдкими исключеніями, только пожилые люди, употребляя всегда трубку и разводя самый табакъ для своихъ надобностей. Теперь же развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣтите еще туземца, курящаго свою махорку изъ

трубки: всѣ стали курить турецкій табакъ, чаще второй сортъ.

Курятъ всѣ отъ мала до велика, исключая прекрасный полъ, среди котораго куреніе совершенно отсутствуетъ. У каждаго молокососа въ карманѣ вы, хоть немного, да найдете табаку съ папирсной бумагой. Если юношѣ положеніе его или занятіе не даютъ возможности постоянно находить немного денегъ для покупки табаку, то онъ не задумается красть, чтобъ имѣть его. При этомъ я не знаю ни одного аула, ни одного единичнаго случая разведенія туземцемъ табака: всѣ курятъ покупной. Можетъ быть и разводили бы, но относительно культуры турецкаго табака они совершенно ничего не знаютъ.

Рядомъ съ табакомъ въ аулахъ появились и карты. Никогда левданное явленіе это теперь встрѣчается довольно часто. На сборныхъ пунктахъ молодежи—около лавокъ (прежде сборными пунктами служили ближайшіе курганы, площади, особенно видныя и открытыя мѣста въ аулѣ)—на берегу, подъ заборомъ, въ полѣ можно часто видѣть кучки играющихъ въ карты. Когда наступаютъ сумерки, играющіе переходятъ въ ближайшую лавку, гдѣ, подъ влияніемъ винныхъ паровъ, у нихъ составляются планы ночныхъ походовъ. Кстати замѣчу, что въ туземныхъ обществахъ еще нѣтъ ни русскаго кабака, ни духана; они пока еще сопротивляются мужественно искушеніямъ разныхъ лицъ, просящихъ о разрѣшеніи открыть питейныя заведенія, инстинктивно чувствуя въ этихъ предложеніяхъ гибель своихъ сыновъ. Нужно думать, однако, что горскія общества не выдержатъ борьбы съ кабакомъ и въ недалекомъ будущемъ послѣдній пробьетъ себѣ дорогу и въ аулы.

Расходъ на красный товаръ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Горець уже не ограничивается одной парой бѣлья и бешметомъ. Не только себя, но и дѣтей и вообще семейство

онъ сталъ одѣвать гораздо лучше: рядомъ съ будничнымъ у него можно видѣть и чистое, праздничное платье, которое почти исключительно шьется изъ покупного матеріала. Туземки также проявляютъ общую слабость прекраснаго пола къ нарядамъ: они настоячиво требуютъ на шелковые платья, рубашки, на дорогіе шелковые и шерстяные платки и на многое другое, о чемъ прежде и не снилось имъ. Горскія красавицы ни о чемъ такъ не мечтаютъ, какъ о красныхъ башмачкахъ и красной шелковой рубашкѣ. Наибольшее предпочтеніе онѣ отдаютъ яркимъ цвѣтамъ, а въ шелковыхъ матеріяхъ — дымчатымъ, съ игрою и переливами цвѣтовъ. Кромѣ того, имъ очень понравились ботинки и чулки, а также европейскій покрой платья, которому стали подражать, что опять обьетъ по карману горца, вызывая новый, бесполезный расходъ на ленты, тесемки, украшения, пуговицы, чулки, запонки и т. п. Въ то же время у мужичишъ пошли входить кожаные галоши. Не зная толку въ товарѣ, горецъ заказываетъ ихъ изъ самой простой и грубой кожи. Носить эти галоши — чистая мука, тѣмъ болѣе на голой ногѣ или съ сафьянными чулками, какъ это обыкновенно дѣлается. Носить ихъ очень рѣдко, сознавая полнѣйшее ихъ неудобство, покупаютъ же исключительно изъ тщеславія и подражанія. Неслышная, граціозная походка горца превращается въ этихъ галошахъ въ тяжелое маршированіе, словно на поги надѣты деревянные колоды.

Какъ видитъ читатель, у осетинъ мало еще полезныхъ приобрѣтеній. Всѣ заимствованія его лишь незначительно увеличиваютъ производительность труда, требуя въ то же время большихъ денежныхъ затратъ. Что полезнѣе, напр., введенія въ хозяйство рабочей лошади, а между тѣмъ, она далеко не приноситъ той пользы, какую могла бы принести при умѣннй содержать и ухаживать за нею надлежащимъ об-

разомъ. Недѣлю, другую осетинъ ухаживаетъ, даетъ правильно зерно, впрочемъ не чаще, какъ разъ или два въ день, а потомъ лошадь нѣсколько дней не получаетъ въ достаточномъ количествѣ не только зерна, но и сѣна: это хозяйство, превративъ ее въ верховую, гоняетъ и царить въ своихъ развѣздахъ. Поэтому осетинскую упряжную лошадь всегда можно узнать среди русскихъ рабочихъ лошадей по несчастному виду и худобѣ. То же самое можно сказать и относительно другихъ полезныхъ приобрѣтеній: всѣ они пока не приносятъ горцу надлежащей пользы. Плугъ купить легко, но нужно имъ управлять, нужно поставить такъ, чтобы онъ бралъ пласть такой глубины и ширины, при которой работа плуга совершается легко, меньше шансовъ поломать его и т. д. А гдѣ взять такихъ опытныхъ нахарей? Кромѣ того, вмѣстѣ съ плугомъ нужно ввести и желѣзную борону, и еще кое-что, нужно вообще измѣнить способы обработки, практиковавшіеся вѣками... Легко ли это? Нѣтъ, не легко. Всякое нововведеніе, прежде чѣмъ сдѣлается выгоднымъ, должно приобрѣсти право гражданства. Пока происходятъ пробы да испытанія, пока человекъ примѣняется, въ хозяйствѣ получаютъ одни минусы. Вотъ это и видимъ мы у горцевъ. Онѣ много покупаютъ и мало производятъ. Прежде онѣ все дѣлалъ собственными руками и ничего не покупалъ. Разница между прежнимъ положеніемъ его и настоящимъ — рынокъ. Понемногу онѣ сталъ все покупать на рынокѣ, производя самъ все меньше и меньше. Напр., аробное колесо, для котораго онѣ гнулъ самъ ободъ, а чаще составлялъ изъ древесныхъ кривулей, далеко уступаетъ легкому, красивому и прочному колесу, встрѣчаемому на рынокѣ и обтянутому шиною; понятное дѣло, что ему выгоднѣе купить рыночное, заплативъ за пару 12 руб. Точно также, по сравненію съ русскими или грузинскими

крестьянами, горецъ совсѣмъ не умѣетъ ставить срубъ для дома, дѣлать рамы, ставни обояныя, переплеты и множество другихъ вещей и предметовъ хозяйства; пошито, что онъ покупаетъ ихъ или заказываетъ. Новые плуги еще не вытѣснили горскихъ, но уже и теперь есть много хозяевъ, которые перестали дѣлать собственными руками плуги и предпочитаютъ покупать какой-либо англо-болгарскій или работы нѣмецкихъ колонистовъ. Укажу еще на два мелкіе факта. Осетинка всегда сама дѣлала пуговицы изъ нитокъ; теперь же, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ всѣхъ пуговицъ, расходуемыхъ въ домѣ, уже покупная. На что деревянная ложечка, которую горецъ любилъ, бывало, едя вечерами у огня, въ досужіе часы конать для себя—и ту онъ теперь рѣдко дѣлаетъ: на рынокѣ онъ покупаетъ 2 липовыя ложки за одну копейку. Такъ и во всемъ.

Не буду умножать примѣровъ, такъ какъ и приведенные достаточно уясняютъ мою мысль. Горская культура, какъ слабѣйшая, уступаетъ на всѣхъ пунктахъ. Горецъ постепенно отдѣляется силою обстоятельствъ отъ орудій труда, отъ своего стараго хозяйства, въ которомъ онъ игралъ видную роль, производя все своими руками, и становится все болѣе и болѣе зависимымъ отъ рынка.

Важнѣйшимъ вопросомъ жизни у горцевъ сталъ, какъ и у насъ съ вами, читатель, вопросъ о деньгахъ. Какими путями доставать ихъ, чтобы удовлетворить новымъ потребностямъ усложнившейся жизни? Не производя ничего уже самъ, не умѣя дѣлать деньги, откуда возьметъ горецъ тотъ всеобщій эквивалентъ, безъ котораго въ нашъ вѣкъ не обходится ни одинъ смертный, безъ котораго, однако, обходился до недавняго времени осетинъ, когда онъ былъ еще самнмъ собою, воздѣлывая вдоволь пшеницу, просо, ячмень, а также разводя крупный рогатый скотъ, овецъ и козъ,

продуктами которыхъ онъ пользовался исключительно самъ?

Взять проклятый всеобщій эквивалентъ не-откуда горцу. Поэтому онъ долженъ по необходимости, въ ущербъ питанію семьи, малыхъ дѣтокъ, значительную часть молока, мяса, сыра и пшеницы сносить на рынокъ и превращать въ деньги. Этимъ объясняется исчезновеніе громаднѣйшихъ скирдовъ хлѣба, составившихъ всегда огромное кольцо вокругъ ауловъ и производившихъ отрадное впечатлѣніе на всякаго, кто только видѣлъ ихъ. Многие, видѣвшіе эти богатства хлѣба и не знакомые съ перемѣнами, происшедшими въ экономической жизни горцевъ, съ любопытствомъ спрашиваютъ: куда дѣвались они?

Медь горецъ продавалъ очень рѣдко. Онъ съѣдалъ его самъ, приготовивъ изъ него лакомства и даже пряники съ просеяной мукой. Нынѣ же все количество его идетъ въ продажу. Хозяинъ ~~горько съѣдять, чтобы ни одинъ фунтъ этого драгоценнаго продукта не остался непревращеннымъ въ деньги.~~ Въ денежныхъ же видахъ, какъ я уже упоминалъ, горецъ сталъ вводить въ свой обиходъ и кукурузу, уменьшивъ, въ ущербъ своему питанію, посѣвы пшеницы.

Но всѣ эти средства не помогаютъ горцу. Они оказываются недостаточными. Деньгъ нужно еще и еще! Поэтому онъ думаетъ упорно надъ задачею: какъ ему быть, какъ слѣдуетъ, чтобы не конфузъ себя (конфуза онъ боится болѣе всего на свѣтѣ), нѣсколько сохранить свое человѣческое достоинство и идти рядомъ съ цивилизаціей, занимствуя и подражая ей, такъ какъ безъ этого ему уже невозможно обойтись. Однако изъ его упорныхъ думъ ничего не выходитъ для него путнаго. Онъ заглядываетъ въ прошлое и ничего не видитъ тамъ, кромѣ розни, вѣчной войны и драки; глядитъ вокругъ, въ себя, въ свое хозяйство, но и тутъ никакой поддержки, ни одной спаситель-

пой опоры... Елисей, онъ видитъ, какъ его родная, знакомая почва уже ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, какъ зданію его культуры напосеятъ удары одинъ за другимъ, одинъ сильнѣе другого. Оно получило уже трещины и мало-по-малу отваливаются кирпичики, его составляющіе... Скоро останется отъ него одинъ лишь стовъ—это, прежде всего, языкъ, подвергнѣйся — наименьшему вліянію и измѣненію, родовое начало, пока лишь нѣсколько подточившееся, и религиозно-правственный міръ горца, еще сохраняющійся, хотя и лишеныя прежней полноты и цѣлости.

Между тѣмъ жизнь идетъ впередъ безостановочно и быстро. Годы мелькаютъ предъ глазами горца какъ верстовые столбы. Въ этомъ быстромъ движеніи онъ не принимаетъ никакого активнаго участія, но оно его увлекаетъ вмѣстѣ съ собой, не давая ономниться. Что же ему дѣлать? Вѣчно быть на хвостѣ, составлять простое декоративное допонище, или дѣлать безъ цѣли и смысла—глупая, неприятная вещь и, кромѣ неприятности, влекущая за собою гибель народа! При такомъ положеніи мысль безпомощнаго горца невольно останавливается на разныхъ средствахъ („амалахъ“) помочь своему горю, между прочимъ—и на торговлѣ. „Амалта ванинъ кау ниръ царинанъ!“ *) —говорятъ постоянно осетины. Прежде не было никакой надобности въ этой фразѣ. Горцу не приходилось выдумывать и комать голову о томъ, какими средствами жить? Онъ знаетъ все это очень опредѣленно. Теперь прежнихъ основъ его хозяйства недостаточно, потомукъ еще не приобрѣлъ, и вотъ онъ бьется и мечется во все стороны: „амалъ, амалъ!“ И въ самомъ дѣлѣ, почему бы осетину не заняться торговлею? Вѣдь занимаютъ же ею другіе: Милліоны людей только и живутъ что торговлею. Посмотрите на жи-

*) Буквально: нужно дѣлать теперь средства для жизни!

телей Владикавказа: изъ 35 т. населения его никто не съѣтъ и не паплетъ, а въ житницы собираютъ все! Откуда, изъ чего? Конечно, изъ торговли... Займусь-ка! Это, право, будетъ лучше, чѣмъ надрывать свои силы надъ неблагодарною землею...

Приблизительно путемъ такихъ разсужденій горецъ додумался до необходимости принятія за торговлю, измѣнивъ радикально свой взглядъ на этотъ предметъ: торговля перестала считаться позорнымъ занятіемъ, хотя весьма недавно еще она возбуждала въ немъ одно лишь презрѣніе. На прямо поставленный вопросъ: считается ли торговля и теперь еще позорнымъ занятіемъ—всегда получите одинъ и тотъ же категорическій отвѣтъ: „Нѣтъ, теперь не считается; было время, когда считалось, но теперь другія времена, другія пѣсни“.

Такъ вотъ, нашъ горецъ, думая легкимъ трудомъ торговца поправить свои разстроенныя обстоятельства, пустился во все тяжкое. И за что только не принимается онъ въ своемъ усердіи. Но онъ слишкомъ просто смотритъ на торговлю. Онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду соображеніе первѣйшей важности—бѣдность свою. Басни, которыхъ онъ слышался о томъ, какъ копейка въ рукахъ одного превратилась въ тысячи, а въ рукахъ другого—въ милліоны, баснями и останутся для него. Забылъ горецъ и о своемъ полнѣйшемъ неимѣніи самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, необходимыхъ всякому торговцу. Онъ пренаивно воображаетъ, что для того, чтобы сдѣлаться торговцемъ, ничего не нужно знать и имѣть, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей денегъ да вѣсовъ и аршина.

Изъ сотни туземцевъ — осетинъ, открывшихъ у себя лавки, вѣтъ, насколько я знаю, и двухъ, оборотный капиталъ которыхъ равнялся бы нѣсколькимъ тысячамъ рублей. Громадное большинство ихъ торгуетъ на десятки и рѣже—сотни руб. Они стыдятся сами своихъ лавокъ. Не

разъ мнѣ приходилось выражать желаніе тому или другому изъ знакомыхъ осетинъ посмотреть его лавку, но они почти всегда отказывали мнѣ, говоря откровенно, что тамъ нечего смотреть, что имъ просто стыдно показывать ее.

Тѣтъ 20 тому назадъ въ аулахъ совсѣмъ не было лавокъ, принадлежавшихъ туземцамъ. Если и случалась такая, то ее исключительно держалъ кавказскій еврей. Нынѣ же не пайдется ни одного общества безъ нѣсколькихъ лавокъ, содержимыхъ туземцами, вытѣсненными евреями. Не рѣдкость, когда на 300 дворовъ населенія насчитывается 4—5 лавокъ. Особенно это относится къ Осетии, менѣе къ Чечнѣ, гдѣ хотя и есть лавки, но все же въ меньшемъ числѣ. Въ Кабардѣ въ иныхъ обществахъ устояли еще евреи; изъ другихъ же ихъ уже вытѣснили, хотя число лавокъ еще очень невелико, не болѣе одной, рѣдко—двухъ, на общество. Если войдете въ лавку горца, вы будете поражены бѣдностью: лавка — одно только названіе, внутри же ничего нѣтъ. Доказательствомъ ихъ бѣдности служитъ продолжительность существованія скоро да плохо испеченныхъ лавокъ. Кромѣ одной какой-либо съ краснымъ товаромъ, всѣ другія въ селеніи обыкновенно дѣйствуютъ по временамъ, періодически. Сколотивъ всякими средствами 40—50 руб., нашъ лавочникъ отправляется въ ближайшій городъ, накупаетъ всякой копеечной мелочи (иголки, наперстки, нитки, спички, мыло, чулки, орѣхи и т. п.) и, нагрузившись, возвращается домой, чтобъ открыть двери своей оригинальной временной лавочки, простоявшей много мѣсяцевъ запертою. Когда запасъ товаровъ истощается, двери лавочки снова запираются на неопредѣленное время.

Такъ существуетъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ всѣхъ лавокъ осетинъ.—Да чего ты не торгуешь постоянно?—спросишь, бывало, горца.—Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускають,—

отвѣчаетъ онъ.—Какъ такъ? вѣдь ты же торговалъ мѣсяць-два, гдѣ же выручка? Вотъ на нее и покунай снова, а то что же эта у тебя за торговля? Этакъ не стоитъ овчинка выдѣлки.—Нѣтъ, неприходится. Выручки той уже нѣтъ: ушла она на хозяйство, на покупку того, сего... Придется ждать до времени. Плохо, братъ, плохо!

Очевидно, такая торговля не можетъ удовлетворить никого. Горцу скучно съ ней. Его подвижной натурѣ и вообще — то противно сидѣнье въ пустой и холодной лавкѣ, и онъ прибѣгаетъ къ формѣ подвижной лавочки. Свои жалкія покупки онъ вмѣсто лавки несетъ въ арбу и складываетъ тамъ. Почтенный старикъ, хозяинъ, недавно еще презиравшій ремесло торговца даже въ болѣе приличномъ и солидномъ видѣ, продѣлываетъ небывалую среди туземцевъ вещь: онъ хочетъ развозить по деревнямъ, на носѣвнище мальчикамъ, свои нитки и иголки, и не боится (такова сила гнетущихъ обстоятельствъ!) вынести на улицу, на показъ всѣмъ, свою бѣдность и свои сѣдины! Да, кто знаетъ гордаго, тщеславнаго горца, тотъ пойметъ, какъ тяжело должно быть ему, если онъ рѣшается на такой шагъ. Однако толку отъ подвижной лавочки еще менѣе. Многие пробовали, и всѣ должны были бросить. Товары въ такихъ лавочкахъ хуже и дороже, потому что въ этомъ случаѣ на стоимость ихъ накладывается еще извѣстный процентъ на расходы по передвиженію и на рабочія животныя, а вслѣдствіе этого никто ничего не покупаетъ изъ подвижной лавки.

Несмотря на полную неудачу многихъ предпріятій (пробуютъ еще развозить керосинъ въ большихъ бочкахъ, берутся за скупку для кунцовъ хлѣба, скота, сѣна, дровъ и т. п., при чемъ каждый старается снискать другого) и на полное свое невѣжество во всѣхъ подобныхъ торговыхъ начинаніяхъ, горцы тѣмъ не менѣе не перестаютъ увлекаться ими. Без-

ошибочно можно сказать, что нѣтъ ни одного изъ нихъ, который на дѣлѣ своей души не лелѣялъ бы сладкой мечты—открыть лавку. „Лавка“, „процентъ“ (дукани, амаль, пайда)—выраженія, не сходящія съ его языка. Онъ спитъ и видитъ во снѣ лавку: лавка поправитъ его дѣла, она будетъ имъ открыта, будетъ непремѣнно, вотъ и мѣсто онъ облюбовалъ для нея... Когда онъ строилъ свои постройки, нарочно отвелъ для нея вотъ это открытое, видное и красивое мѣсто... Не хочу и умирать, пока не осуществлю своего горячаго желанія!.. Лавка—разлюбезное, легкое дѣло: отмѣрилъ, отвѣсилъ—и получиай денежки!

Увлечение торговлею, оборотомъ начинается создавать среди туземцевъ особое сословіе хищниковъ-кулаковъ, по своимъ приемамъ и продѣлкамъ представляющихъ подобіе русскимъ кулакамъ, только, мнѣ кажется, еще болѣе грубыхъ, жадныхъ и жестокихъ. Явленіе это, составляя тоже продуктъ новыхъ социально-экономическихъ условий на Кавказѣ, на столько интересно по своему значенію и въ связи съ нѣкоторыми другими вопросами экономической жизни горца, что заслуживаетъ особаго вниманія и изслѣдованія. Поэтому я ограничусь здѣсь только указаніемъ на него, тѣмъ болѣе, что иначе пришлось бы слишкомъ растянуть настоящей очеркъ.

Рядомъ съ торговлею, для сведенія концовъ съ концами, туземцы должны бросаться и на всякія другія „средства“ и занятія, не требующія отъ нихъ серьезныхъ усилій. Ингуша, чеченца и осетина въ особенности можно видѣть теперь, такъ сказать, на всѣхъ перекресткахъ жизни инуцими всюду работы—приложенія для своихъ рукъ. При этомъ они не брезгаютъ уже никакою должностію: ихъ можно видѣть въ гостиницахъ, трактирахъ, въ передней барина, на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, въ канцеляріяхъ, въ полиціи, въ ямщикахъ, въ

магазинахъ въ качествѣ мальчиковъ, и т. д., и т. д.

Вообще, подъ влияніемъ духа времени горцы дѣлаются болѣе подвижными. Духъ индивидуализаціи, составляющей характерную особенность нашего времени, проникъ и въ первобытный строй горской жизни. Подъ его влияніемъ прежнія сплошность горцевъ въ извѣстныя социальные группы (родовые союзы) ослабляется замѣтнымъ образомъ. И хотя нѣтъ еще полной разъединенности родственной и экономической связей, но она, во всякомъ случаѣ, не заставитъ себя долго ждать. Въ Осетіи, Кабардѣ, Чечнѣ еще никто не увидитъ нишага. Ни одна фамилія еще не отвернется отъ своего члена и не броситъ, не пуститъ побираться божьимъ именемъ по дворамъ. Это считается до сихъ поръ стыдомъ, великимъ позоромъ для рода и, конечно, характеризуетъ крѣпость родственныхъ и семейныхъ отношеній. Однако никто не станетъ спорить противъ частныхъ въ настоящее время раздѣловъ и уменьшенія большихъ родовыхъ семей. На ослабленіе родовой связи вліяетъ и пространственная разъединенность, напр., осетинъ, живущихъ въ настоящее время частью въ горахъ, частью на плоскости и даже въ Кубанской области, не говоря уже о вліяніи службы, образованія и судебныхъ приговоровъ, которыми каждый годъ немало лицъ отрывается отъ родины въ Россію, откуда они возвращаются совсѣмъ другими людьми.

Признакомъ времени, переживаемаго въ настоящее время туземцами, можетъ служить и ихъ отношеніе къ войнѣ. Они и прежде любили войну, но никогда не ждали ея такъ жадно, какъ ждуть теперь. Она стала тоже мечтою всѣхъ. Помня послѣднюю турецкую войну *), горцы чутко при-

*) Оттуда они вернулись не съ пустыми руками: тамъ, гдѣ наживались и такіе, кому и не надлежало бы (вспомнимъ записки Верещагина съ театра войны), и горцы не дали маху.

слушиваются къ политическимъ слухамъ, жадно ловятъ извѣстiя, идущiя съ десятыхъ устъ, и обобщаютъ ихъ въ такой увлекательной формѣ, что хоть сейчасъ надѣвай доспѣхи и садись на браннаго коня. Когда, бывало, скажешь имъ, что войны не будетъ, они искренно огорчались и уходили положительно недовольными.

— Неужели и ты, Бибо, пойдешь воевать противъ англичанъ?— спросилъ я какъ-то одного обремененнаго семействомъ и уже пожилого осетина.

— Что же дѣлать, чѣмъ жить? Пойду! Убьютъ—не велика бѣда, останусь живъ—еще лучше: по крайней мѣрѣ, послѣ легче будетъ жить.

Желанiе войны ни чѣмъ другимъ въ настоящее время не мотивируется, какъ необходимою нажить проклятую конейку. Въ случаѣ войны, нѣтъ сомнѣнiя, туземцы пойдутъ почти поголовно. Я не знаю ни одного отца, имѣющаго даже единственнаго сына, который бы не говорилъ мнѣ: „Или самъ пойду, или позволю сыну, — другого исхода нѣтъ“.

Не находя никакого удовлетворенiя ни въ торговлѣ, ни въ другихъ своихъ занятiяхъ, туземецъ все чаще, все усерднѣе останавливаетъ свое вниманiе на водкѣ и воровствѣ.

Правда, онъ пилъ и раньше, но есть видимая для всѣхъ разница между тѣмъ, какъ пить онъ теперь и какъ пилъ раньше. Прежде онъ пилъ съ сознаниемъ, соблюдая всегда извѣстную мѣру, всегда чувствуя, что вино отъ него не уйдетъ, что нѣчего поэтому торопиться кончить все разомъ; нынѣ же замѣчается у горца какъ бы боязнь недостатка вина въ требуемую минуту, и онъ торопится кончить разомъ все, какъ-то не насыщаясь имъ, словно хочетъ онъ залить нѣчто, сложующее его сердце, или боль постоянно поющей груди.

Фактъ, не подлежащiй никакому сомнѣнiю, всѣми одинаково признаваемый на Сѣв. Кавказѣ— что воровство на горской почвѣ никогда не достигало такого распространенiя, какъ въ послѣднее десятилѣтiе, из-

мѣнившись, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по своему характеру и значенiю.

Нѣкогда воровство для смѣлаго и безстрашнаго горца, не знавшаго, куда ему дѣвать избытокъ своихъ силъ, направивавшихся на всякое дѣло и испытанiе, было молодечествомъ, своего рода стихiей, безъ которой юноша не могъ никакъ обойтись, стать на ноги, возмужать, выйти въ люди, опериться. Для его репутацiи— репутацiи смѣлаго рыцаря—было необходимо показать себя со стороны силы, ловкости и безстрашiя. Дѣвушка охотнѣе выходила замужъ за того, кто больше, лучше и смѣлѣе совершала побѣги. „Онъ не трусъ, онъ молодецъ, — говорили ей подружки, — выходи за него, иначе, все равно, онъ возьметъ тебя силою, потому что не потерпитъ отказа“. Аналогическiе факты сообщаются многими путешественниками и изъ жизни другихъ народовъ. Такъ, индианки не выходили замужъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не клалъ у ногъ предмета обожанiя скальповъ убитыхъ враговъ, какъ вещественныя доказательства своей храбрости.

Теперь среди туземцевъ воровство не находится уже въ такомъ авантажѣ, какъ прежде. Всѣ прекрасно сознаютъ пагубное влиянiе его на общественную нравственность, да и не слышно, чтобы дѣвушки отличались еще такимъ непростительнымъ легкомыслиемъ. При случаѣ никто такъ хорошо не заклемитъ воровство, какъ самъ же горецъ, ибо никто лучше его не изучилъ и не испыталъ на своей шкурѣ всѣхъ дурныхъ сторонъ этой язвы. Несмотря на это, воровство увеличилось въ значительной степени, превратившись изъ болѣе снисходительнаго, рыцарскаго—такъ сказать, благороднаго—въ нѣчто мелкое, позорное, жульническое. Воруетъ не молодежь одна, но и всѣ. И прежде воровалъ горецъ, но для каждаго изъ нихъ приходила пора и для спокойной жизни. Кровь перекипитъ, успокоится—и горецъ оставлялъ ночныя похождения. Это и понятно: во-

воровство было не ремесломъ, не продуктомъ нравственной порчи народа и экономического гнета, а скорбѣ — проявленіемъ избытка силъ, которыхъ горецъ не зналъ куда дѣвать. Прежнихъ вора не столько интересовала добыча, корысть, какъ есмь процессъ ночныхъ походовъ со всѣми ихъ приключеніями, какъ самое воровство, давнее возможность проявить силу, ловкость и мужество. Нынѣ же главнѣйшей побудительной причинойъ воровства сдѣлалась *выгода, добыча, корысть*. Вотъ почему нынѣшній воръ не знаетъ отдыха и устали даже въ старости: теперь онъ шатается всю жизнь и проводитъ все время на лошади. Въ старину, воруя, горецъ не прятаясь, какъ бы вызывалъ на бой, на состязаніе — чье возьметъ. На глазахъ общества, бывало, угоняли табуны лошадей, вызывая погоню, которой они были всегда рады, какъ случаю, дававшему возможность помѣриться силами *). Въ кровавой схваткѣ горецъ совсѣмъ не думалъ объ угнанныхъ лошадей, ему было дорогъ вопросъ состязанія, борьбы. Теперешній же воръ крадется какъ конка, прикрываясь покровомъ темной ночи, крадется туда, гдѣ меньше опасности, гдѣ меньше всего зашищено имущество, гдѣ некому его преслѣдовать, гдѣ вѣрнѣе можно воспользоваться украденнымъ. Вслѣдствіе такого *новата* характера воровства нынѣшній воръ уже ни надъ чѣмъ не останавливается: онъ потерялъ чувство состраданія и великодушія. Все, что плохо лежитъ — мое, что бы то ни было и кому бы ни принадлежало, — говоритъ теперешній воръ.

Вотъ вы собрали гостей по случаю какого-либо для васъ радостнаго дня; пригласили своихъ сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ и хотите съ ними раздѣлить свой кусокъ хлѣба по обычаю старины. Цѣлый день провели въ веселыхъ танцахъ и пѣ-

сняхъ. Но вотъ народъ разошелся, и вы видите къ удивленію своему, что не достаетъ и той, и другой вещи, что обокрали и васъ, и вашихъ гостей, случайно пробѣжавшихъ мимо вашего дома и приглашенныхъ вами.

Вотъ дѣвушка наплясалась на какомъ-нибудь гуляньѣ и возвращается домой съ подругами. На ней надѣто сравнительно богатое шелковое платье, увѣшанное на груди и на рукавахъ серебряными монетами рублей на 20. Пришла она домой, сбросила свое платье въ своей комнатѣ и бѣжить въ другую комнату къ родителямъ — подѣлиться впечатлѣніями. Пока она успѣла вернуться къ себѣ обратно, ея платье уже нѣтъ: слѣдившій за ней воришка стащилъ его.

Вотъ бѣднякъ, у котораго только и есть, что пара воловъ, которыми и живетъ, и дышетъ онъ. Смотришь его же сосѣдъ, не разъ ѣвши его хлѣбъ-соль, темной ночью стащилъ у него воловъ. Бѣднякъ плачетъ, будучи разоренъ, какъ плачетъ другой бѣднякъ передъ трупомъ единственной коровенки, зарѣзанной тою же темной ночью волками.

Если эти случаи, прямо взятые изъ жизни, не достаточно обрисовываютъ характеръ современнаго воровства, взгляните вотъ въ тотъ домъ. Это — общій домъ горца, его кухня; смежно съ ней, въ особомъ отдѣленіи — кладовка. Видите свѣтъ, мелькнувшій только-что въ послѣдней? Это свѣтъ отъ почника въ рукахъ вора, который не постыдился даже залѣзть въ кладовку оказавшаго ему много услугъ сосѣда, чтобы забрать оттуда сыръ, масло, араку и все, что окажется тамъ съѣдобнаго и цѣннаго.

Особенное усиленіе воровства замѣчается съ начала 70-хъ годовъ: „Изъ отчета влад. окружн. суда за 1871-й 72-й и 73-й гг. видно, что число дѣлъ въ районѣ суда съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ, напри- мѣръ, всѣхъ дѣлъ по слѣдственной части поступило: въ 1871 г. — 1664,

*) Иллюстраціей могутъ служить описанныя сказки, въ особенности нартовскія сказки.

въ 1872 г.—2707, и въ 1873 г.—3273^{*)}). Данныхъ за послѣдующіе годы у меня, къ сожалѣнію, не имѣется въ настоящее время.

Въ болѣе счастливыхъ странахъ общественныя деньги тратятся на народное образованіе, на кассы и вообще на общественныя дѣла, а на Сѣверн. Кавказѣ (въ Осетіи, напр.) онѣ идутъ на огражденіе отъ воровъ и разбойниковъ. Въ послѣднее 20-лѣтіе многіе аулы, въ конецъ разоряемые хищниками, учреждаютъ караулы, нанимая для этого 6—8 человекъ верховыхъ, которые днемъ и ночью должны караулить, объѣзжать и охранять его. Они принимаютъ присягу не красть у своего общества и отвѣчаютъ за всякую пропажу изъ него стоимостью украденнаго. Обыкновенная плата каждому верховому—200 руб. въ годъ. Нѣкоторые аулы платили своимъ караульщикамъ по 1,200 и болѣе рублей ежегодно. Многіе аулы, уставъ отправлять эту тяжелую повинность, перестали содержать караулъ, предпочтя себѣ на волю Божію.

Въ восьмидесятыхъ годахъ вся Осетія на общественный счетъ хотѣла организовать пѣлый отрядъ съ офицерами, чтобъ оцѣпить всѣ границы и хоть такимъ образомъ нѣсколько обезопасить себя отъ грабежей и хищничества. Расходы на это дѣло для бѣдной Осетіи, не имѣющей у себя ни одной образцовой народной школы, должны были составить сумму не менѣе 24,000 руб.

Достоинно вниманія еще одно обстоятельство, характеризующее степень развитія воровства. Установился обычай, принятый въ старину относительно похищенныхъ дѣтей, покупать обратно пропавшее имущество. Потерпѣвшій, разыскивая свое имущество, прямо предлагаетъ выкупъ по извѣстной такѣ. Часто онъ молить подозрѣваемаго въ кражѣ найти ему его имущество,

предлагая тутъ же и выкупъ. Воровъ уклоняется отъ денегъ, но обѣщаетъ искать и всячески стараться для пропитателя, а черезъ пѣкоторое время находить, получая по такѣ слѣдующее вознагражденіе (корова возвращается примѣрно за 8 руб., быкъ—за 10—15 р., лошадь—за 15 и выше р.).

Что воровство на Сѣв. Кав. приняло за послѣднее время угрожающіе размѣры, сдѣлавшись повальнымъ зломъ среди всего народа, это доказывается и рядомъ правительственныхъ циркуляровъ и мѣропріятій. Не останавливаясь на перечисленіи и указаніи ихъ, что отняло бы много мѣста, я укажу на самое выдающееся циркулярное предписаніе бывшаго начальника Тер. области ген.-ад. Свистунова гг. окружнымъ начальникамъ (отъ 19 октября 1882 г., № 5680), въ которомъ предлагается къ исполненію рядъ мѣръ, долженствующихъ положить конецъ пагубному явленію. Между прочимъ, общества обязываются выдавать головою **своихъ** порочныхъ членовъ для удаленія ихъ изъ края; въ случаѣ неисполненія этого требованія какимъ-либо обществомъ, оно можетъ подвергнуться серьезной отвѣтственности, можетъ быть даже расселено по другимъ ауламъ. Несмотря на серьезность предписанія, оно, какъ и всѣ подобныя ему, не имѣло никакого существеннаго значенія на практикѣ. Когда общество поголовно воруетъ подъ давленіемъ однихъ и тѣхъ же условій социально-экономической жизни, оно не можетъ никого выдавать. Нелегко выдавать другого, когда знаешь, что завтра самъ можешь сдѣлать то же самое.

Кромѣ того, при существующей еще кровной мести, не легко выдать и погубить члена какой-либо фамиліи. Инициаторы такого дѣла (если ихъ не будетъ, то пострадавшая фамилія создастъ ихъ и на комъ-нибудь да выместитъ свою обиду), положимъ, хотя бы тѣ же старшина и выборные, могутъ подвергнуться серьезной отвѣтственности со стороны по-

*) „Сборникъ свѣдѣній о Терек. области“, выпускъ I.

терпѣвшаго рода. Даже за сравнительно простую роль доказчика у мирового судьи—не говоря уже о случаяхъ, когда дѣло идетъ о кражѣ со взломомъ и др. болѣе тяжкихъ преступленіяхъ—можно поплатиться головою. Старшины это знаютъ хорошо; поэтому они въ Осетіи не только не осмѣливаются враждовать съ ворами, но даже всюду являются надежнѣйшими пособниками ихъ, помогая имъ и выручая ихъ, за что и воры не остаются у нихъ въ долгу. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что такъ много преступленій среди горцевъ остаются не раскрытыми: нѣтъ свидѣтелей, никому не охота навлекать на себя вражду и мечь, — мечь, ужасную по своимъ послѣдствіямъ, потому что враждующая фамилія ни чѣмъ не пренебрегаетъ, прибѣгая одинаково и къ убійству, и къ поджогамъ хлѣба, дома и т. п. „Опасаясь мести со стороны рода лица, ко вреду котораго клонится показаніе свидѣтелей, послѣдніе (изъ горцевъ) обыкновенно всячески стараются уклониться отъ показаній. Встрѣчаются процессы, въ которыхъ они силою были привлекаемы въ залу суда“. *) Несомнѣнные воры сплошь да рядомъ выходятъ изъ суда оправданными за отсутствіемъ уликъ. Есть убійцы, которыхъ знаетъ весь народъ и которые тѣмъ не менѣе вышли сухими изъ воды и совершаютъ вновь преступленія.

Хотя горцы уже начинаютъ сознавать анти-общественный характеръ воровства, но въ ихъ крови есть еще склонность, предрасположеніе къ нему, и съ этимъ влеченіемъ не всегда они могутъ сладить. Приведу одинъ примѣръ, взятый прямо изъ недавней жизни горца. Дѣло было въ аулѣ. Сидитъ кружокъ осетинъ. Въ числѣ другихъ тутъ находится горецъ, лѣтъ 60, уже сѣдой, прослужившій 10 лѣтъ въ должности старшины, а

въ послѣднюю войну произведенный за отличіе въ офицеры,—человѣкъ не глупый и до нѣкоторой степени цивилизованный. Тутъ же—другой, простой осетинъ, не любимый всѣми, съ нескрываемыми претензіями на ловкаго вора и мастеръ вести пренія. Разговоръ завязывается между этими двумя. Послѣдній, желая какъ можно болѣе задѣть за-живое своего собесѣдника, обращается къ нему съ слѣдующимъ:

— Какъ бы тамъ ни было, Тепса, все-таки тебѣ не сумѣть украсть лошадь такъ, какъ это сдѣлаю я!

— Уаллахи, уабиллахи! *) Я не только превзойду тебя въ этомъ, но охота съ твоихъ плечъ шубу, и ты, мальчишка, не узнаешь меня!—отвѣчаетъ, едва сдерживая свое волненіе, старикъ.

Мнѣ, присутствовавшему тутъ же, пришлось вмѣшиваться и успокаивать почтеннаго Тепса, уговаривая чтобы онъ честь ловкаго конокрада уступилъ своему противнику. „Да, воруетъ тотъ—говорятъ горцы и теперь еще—въ комъ есть жизнь, сила, энергія, мужество, а не слабые и бездушные, неспособные ни на что“.

Однако главнѣйшій и существеннѣйшій факторъ, опредѣляющій современную фізіономію воровства, лежитъ глубже—въ новыхъ условіяхъ соціально-экономической жизни горца. Слѣдственная часть и раньше не находилась въ лучшемъ видѣ; точно также и въ прошломъ не меньше было предрасположенія къ воровству,—тѣмъ не менѣе прежде воровали меньше, а главное—совѣстливѣе. Воруютъ же больше потому, почему стали палегать и отводить душу въ винѣ, почему, какъ угорьные, стали бросаться во все стороны, занимать всевозможныя положенія внѣ дома и хозяйства, мечтать о войнѣ и торговлѣ, тщетно ища себѣ всюду хоть какого-либо облегченія и выхода. Горцу необходимо во что бы то ни стало удовлетворить своимъ новымъ потребностямъ. Все его уси-

*) „У подошвы Эльборуса“. „Вѣст. Евр.“ за 1886 г., № 1. Очеркъ Иванюкова и Ковалевскаго.

*) Ей-Богу.

лія и труды въ сферѣ хозяйства оказываются недостаточными для этого. Трудность увеличивается въ особенности потому, что начать жизнь на новыхъ основаніяхъ и пріемахъ хозяйствованія—легко только сказать: на это нужно прежде всего время и болѣе или менѣе длинный рядъ подготовительныхъ работъ. *Займствованія, неспрошедшія черезъ жизнь народа и не переработанныя имъ сообразно своему духу, не могутъ считаться прочными пріобрѣтеніями для него.* Времени же въ распоряженіи горца очень мало. Жизнь, сравнительно блестящая, захватила и закружила его вмѣстѣ съ собой. Ему невозможно оставаться на одномъ мѣстѣ и раздумывать; она увлекаетъ его помимо его воли, искушаетъ его и въ то же время предъявляетъ ему свои неотложные запросы, которымъ необходимо удовлетворить. Что же ему дѣлать, какъ не искать средствъ („амаловъ“), чтобы не отстать отъ общаго движенія. Вотъ онъ и ищетъ ихъ, какъ умѣетъ, по-своему. А такъ какъ прочныхъ и надежныхъ средствъ у него, какъ мы видѣли раньше, нѣтъ; такъ какъ и некому указать, научить его, то поневолѣ онъ старается всякими средствами, не разбирая ихъ нравственнаго достоинства, облегчить свою экономическую зависимость; немудрено, если онъ въ нихъ запутывается, если они, удаляя его въ сторону отъ спокойнаго и правильнаго развитія, патакаиваютъ его на явленія анти-общественныя и вредныя. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать на основаніи всего изложеннаго выше, пальма первенства въ дѣлѣ воровства, пьянства и друг. явленій, характеризующихъ расшатывающуюся жизнь, принадлежитъ осетинамъ, дигорцамъ, ингушамъ и чеченцамъ, какъ наиболѣе соприкасающимся и подвергающимся цивилизирующему вліянію, наиболѣе заимствующимъ и подражающимъ... Кабардинцы и болкарцы, осетины въ горахъ лучше сохранились, жи-

вуть попрежнему болѣе самостоятельную жизнью и воруяютъ меньше.

Заканчивая этотъ плохо обработанный очеркъ, я не буду выставлять обычныхъ тезисовъ. Я хотѣлъ только указать на критическое время, переживаемое горцами Сѣв. Кавказа. Горская культура не выдерживаетъ борьбы съ европейской торгово-промышленной культурой и уступаетъ шагъ за шагомъ на всѣхъ пунктахъ. Горецъ отдалается понемногу отъ собственныхъ устоевъ жизни, отъ своего стараго хозяйственного быта, въ которомъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ умѣлъ производить все—и становится все болѣе и болѣе зависимымъ отъ рынка. Горца начинаютъ захватывать волны того могущественнаго процесса, который такъ побѣдоносно и властно хозяйничаетъ уже въ Россіи, подъ вліяніемъ котораго въ разныхъ „Кленовкахъ“ и „Карловкахъ“ „старозавѣтные порядки и обычаи вполне уразднены, а типъ мужика переродился въ типъ ~~мѣншица~~ и торговца“, и, наконецъ, въ силу котораго тамъ „все дѣлается съ найма, все покупается съ базара: чтобы шить тулупъ или кафтанъ необходимо портной; питьемъ бабьихъ сарафановъ, поддевокъ, даже рубахъ записываются два-три старичка...; кое-какъ сколоченная рама, фонарь, кривой столъ, линочій ситецъ,—все это привозится съ базара“ *).

Стоя на неренутѣ, ни на чемъ новомъ еще не остановившись, лишены всякаго разумнаго руководства и помощи, косиѣя въ невѣжествѣ, горецъ, чтобы облегчить узы своей экономической зависимости, ведетъ борьбу своими средствами...

Въ счастливыя минуты, когда въ немъ пробуждается челоѣкъ, онъ живетъ иллюзіями: то думаетъ поправить свои обстоятельства торговлею, то посѣвами кукурузы, то начинаетъ мечтать о скотоводствѣ или разведеніи

*) «Новая исторія одной волости» «В. Евр.» за 1886 г., кн. I.

и лошадей, каждый раз убежда- себя, что вот теперь-то онъ на- паль, наконецъ, на настоящей путь- дорогу, а до сихъ поръ шелъ въ потемкахъ и дѣлалъ одиѣ ошибки. Но иллюзія остается всегда иллюзі- ей и разочарованный горецъ снова спрашиваетъ: что же дѣлать, на чемъ остановиться, чѣмъ жить? Тутъ че- ловѣческой образъ его начинаетъ ту- скнѣть, и онъ съ двойнымъ жаромъ принимается за дѣло ему знакомое— за ночныя походы...

Очевидно, горецъ нивъ чемъ такъ сильно не нуждается, какъ въ про- свѣщеніи. Нужно придти на помощь ему, внести свѣтъ въ темныя и дым- ныя сакли, чтобъ онъ не ослѣпъ око- чательно и чтобъ общество, вмѣсто друга и полезнаго члена, не приобрѣ- рѣло въ немъ врага. И прежде все- го нужно самимъ горцамъ подумать о себѣ! Вмѣсто бессмысленныхъ со- ловныхъ споровъ, вредныхъ въ кон-

цѣ концовъ, самимъ спорящимъ,— нужно подумать, пока есть еще вре- мя, о самообразованіи и сдѣлать хотъ начальные шаги изъ мрака къ свѣ- ту. Это—дѣло высшей національной гордости, которая, какъ извѣстно, можетъ преодолевать величайшія пре- пятствія. Нужно помнить, что при столкновеніи двухъ цивилизацій по- бѣждаетъ болѣе развита въ социаль- но-экономическомъ отношеніи. Въ данномъ случаѣ побѣдитъ, конечно, европейская, съ ея болѣе высшими экономическими формами промышлен- ности и торговли. Вся задача наці- ональной выгоды туземцевъ въ на- стоящее время заключается въ томъ, чтобы путемъ образованія, какъ един- ственнаго средства, приспособиться къ новымъ условіямъ жизни возмож- но скорѣе и съ честью пережить критическое время испытанія и борь- бы, т. е. безъ окончательной прав- ственной порчи и паденія.

